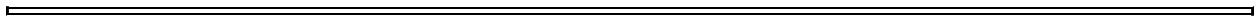

- Говард Роберт , Де Камп Спрэг

○

Говард Роберт , Де Камп Спрэг

Огненный нож

Роберт ГОВАРД
Спрэг де КАМП
ОГНЕННЫЙ НОЖ

1. КЛИНКИ ВО ТЬМЕ

Гигант-киммериец насторожился: из затененного дверного проема послышались быстрые осторожные шаги. Конан повернулся и в темноте арки увидел неясную высокую фигуру. Человек рванулся вперед. В неверном свете киммериец успел разглядеть бородатое, искаженное яростью лицо. В занесенной руке блеснула сталь. Конан увернулся, и нож, распоров плащ, скользнул по легкой кольчуге. Прежде чем убийца вновь обрел равновесие, Конан перехватил его за руку, вывернул ее за спину и железным кулаком нанес сокрушительный удар по шее врага. Без единого звука человек рухнул на землю.

Какое-то время Конан стоял над распростертым телом, напряженно вслушиваясь вочные звуки. За углом впереди он уловил легкий стук сандалий, едва различимое позвякивание стали. Эти звуки ясно давали понять, что ночные улицы Аншана - прямая дорога к смерти. В нерешительности он до половины вытащил меч из ножен, но, пожав плечами, заспешил обратно, держась подальше от черных арочных провалов, глядящих на него пустыми глазницами по обеим сторонам улицы.

Он свернул на улицу пошире и несколько мгновений спустя уже стучался в дверь, над которой горел розовый фонарь. Дверь тут же отворилась. Конан шагнул вовнутрь отрывисто бросив:

- Закрой, быстро!

Огромный шемит, встретивший киммерийца, навесил тяжелый засов и, не переставая накручивать на пальцы, колечки иссиня-черной бороды, пристально посмотрел на своего начальника.

- У тебя рубашка в крови! - пробурчал он.

- Меня чуть не зарезали, - ответил Конан. - С убийцей я разделся, но в засаде поджидали его дружки.

Глаза шемита сверкнули, мускулистая волосатая рука легла на рукоятку трехфутового ильбарского кинжала.

- Может быть, сделаем вылазку и перережем этих собак? - дрожащим от ярости голосом предложил шемит.

Конан покачал головой. Это был огромного роста воин, настоящий гигант, но, несмотря на мощь, движения его были легки, как у кошки. Широкая грудь, бычья шея и квадратные плечи говорили о силе и выносливости варвара-дикаря.

- Есть дела поважнее, - сказал он. - Это враги Балаша. Они уже знают, что этим вечером я поцапался с царем.

- Да ну! - воскликнул шемит. - Вот уже действительно черная весть. И что же сказал тебе царь?

Конан взял флягу с вином и в несколько глотков осушил ее чуть ли не наполовину.

- А, Кобад-шах помешался на подозрительности, - презрительно бросил он. - Так вот, сейчас очередь нашего друга Балаша. Недруги вождя настроили против него царя, да только Балаш заупрямился. Он не спешит с повинной, потому что, говорит, Кобад замыслил насадить его голову на пику. Так что Кобад приказал мне с козаками отправиться в Ильбарские горы и доставить ему Балаша - по возможности целиком, и в любом случае - голову.

- Ну?

- Я отказался.

- Отказался?! - У шемита перехватило дух.

- Конечно! За кого ты меня принимаешь? Я рассказал Кобад-шаху, как Балаш со своим племенем уберег нас от верной гибели, когда мы плутали в разгар зимы в Ильбарских горах. Мы тогда шли к югу от моря Вилайет, помнишь? И если бы не Балаш, нас наверняка перебили бы племена горцев. Но этот кретин Кобад даже не дослушал. Он принял орать о своем божественном праве, об оскорблении его царского величия презренным варваром и многое там еще чего. Клянусь, еще минута - и я запихнул бы его императорский тюрбан ему в глотку!

- Надеюсь, у тебя хватило ума не трогать царя?

- Хватило, не трясишь ты. Хотя я и сгорал от желания проучить его. Великий Кром! Убей, не пойму: как это вы, цивилизованные люди, можете ползать на брюхе перед меднолобым ослом, который волей слепого случая нацепил на голову золотую побрякушку и, взгромоздившись на стул с бриллиантами, мнит из себя невесту что!

- Да потому что этот осел, как ты изволил выразиться, одним движением пальца может содрать с нас кожу или посадить на кол. И сейчас, чтобы избежать царского гнева, нам придется бежать из Иранистана.

Конан допил из фляги вино и облизнул губы.

- Я думаю, это лишнее. Кобад-шах перебесится и утомонится. Должен ведь он понимать, что сейчас его армия уже не та, что была во времена расцвета империи. Сейчас его ударная сила - легкая кавалерия, то есть мы. Но все равно опала с Балаша не снята. Меня так и подмывает бросить все и умчаться на север - предупредить его об опасности.

- Неужто поедешь один?

- Почему бы и нет? Ты пустишь слух, будто я отсыпаюсь после очередного запоя. На все хватит нескольких дней, а потом...

Легкий стук в дверь оборвал Конана на полуслове. Киммериец бросил быстрый взгляд на шемита и, шагнув к двери, прорычал:

- Кто там еще?

- Это я, Нанайя, - ответил женский голос.

Конан посмотрел на своего товарища.

- Что за Нанайя? Ты не знаешь, Тубал?

- Нет. А вдруг это их уловка?

- Впустите меня! - вновь послышался жалобный голос.

- Сейчас увидим, - тихо, но решительно сказал Конан, и глаза его блеснули. Он вытащил из ножен меч и положил руку на засов. Тубал, вооружившись кинжалом, встал по другую сторону двери.

Резким движением Конан выдернул засов и распахнул дверь. Через порог шагнула женщина в наброшенной вуали, но тут же, слабо вскрикнув при виде сверкающих в мускулистых руках клинков, подалась назад.

В быстром, как молния, выпаде Конан повернул оружие - и острие меча коснулось спины неожиданной гостьи.

- Входите, госпожа, - пробурчал Конан на гирканском с ужасным варварским акцентом.

Женщина шагнула вперед. Конан захлопнул дверь и наложил засов.

- Ты одна?

- Да-да. Совсем одна...

Конан стремительно выбросил вперед руку и сорвал с лица вошедшей вуаль. Перед ним стояла девушка - высокая, гибкая, смуглая. Черные волосы и изящные, точеные черты завораживали глаз.

- Итак, Нанайя, что все это значит?

- Я наложница из царского сераля... - начала она.

Тубал присвистнул:

- Только этого нам не хватало!

- Дальше, - приказал Конан.

Девушка вновь заговорила:

- Я часто наблюдала за тобой сквозь узорную решетку, что за царским троном, когда вы с Кобад-шахом совещались наедине. Царю доставляет удовольствие, когда его женщины видят своего повелителя, занятого государственными делами. Обычно при решении важных вопросов нас в галерею непускают, но этим вечерам евнух Хатритэ напился пьян и забыл запереть дверь, ведущую из женской половины на галерею. Я прокралась туда и подслушала ваш разговор с шахом. Ты говорил очень резко.

Когда ты ушел, Кобад прямо кипел от ярости. Он вызвал Хакамани, начальника тайной службы, и приказал тому, не поднимая шума, тебя прикончить. Хакамани должен был проследить, чтобы все выглядело как обыкновенный несчастный случай.

- Вот я доберусь до Хакамани, тоже устрою ему какой-нибудь несчастный случай. - Конан скрипнул зубами. - Но к чему все эти церемонии? Кобад проявляет не больше щепетильности, чем прочие монархи, когда тем приходит охота укоротить на голову неугодного подданного.

- Да потому что он хочет оставить у себя твоих козаков, а если те признают об убийстве, то непременно взбунтуются и уйдут.

- Ну допустим. А почему ты решила меня предупредить?

Большие темные глаза окинули его томным взглядом.

- В гареме я погибаю от скуки. Там сотни женщин, и у царя до сих пор не нашлось для меня времени. С самого первого дня, едва увидев тебя сквозь решетку, я восхищаюсь тобой. Я хочу, чтобы ты взял меня с собой, - нет ничего хуже бесконечной, однообразной жизни сераля с его вечными интригами и сплетнями. Я дочь Куджала, правителя Гвадира. Мужчины нашего племени рыбаки и мореходы. Наш народ живет далеко к югу отсюда на Жемчужных островах. На родине у меня был свой корабль. Я водила его сквозь ураганы и ликовала, поборов стихии, а здешняя праздная жизнь в золотой клетке сводит меня с ума.

- Как ты очутилась на свободе?

- Обычное дело: веревка и неохраняемое окно с выставленной решеткой. Но это не важно. Ты... ты возьмешь меня с собой?

- Скажи ей - пусть возвращается в сераль, - тихо посоветовал Тубал на смеси запорожского и гирканского с примесью еще полудюжины языков. - А еще лучше - полоснуть ей по горлу и закопать в саду. Так царь нас, может, и не станет преследовать, но ни за что не отступится, если прихватим трофей из его гарема. Как только до него дойдет, что ты удрал с наложницей, он перевернет в Иранистане каждый камень и не успокоится, пока тебя не отыщет.

Как видно, девушка не знала этого наречия, но зловещий, угрожающий тон не оставлял сомнений. Она задрожала.

Конан оскалил зубы в волчьей усмешке.

- Как раз наоборот, - сказал он. - У меня аж кишki разболелись от мысли, что придется удирать из страны, поджав хвост. Но с таким заманчивым трофеем - это все меняет дело! И раз уж бегства не избежать...

- Он повернулся к Нанайе: - Надеюсь, ты понимаешь, что ехать придется быстро, не по мощеной улице и не в том благопристойном обществе, которое тебя окружало.

- Понимаю.

- А кроме того... - он сузил глаза, - я буду требовать беспрекословного повиновения.

- Конечно.

- Хорошо. Тубал, поднимай наших псов. Выступаем сразу, как соберем вещи и оседлаем лошадей.

Неясно бормоча что-то насчет недоброго предчувствия, шемит направился во внутреннюю комнату. Там он потряс за плечо человека, спавшего на груде ковров.

- Просыпайся, воровское семя! - ворчал он. - Мы едем на север.

Гаттус, гибкий темнокожий заморанец, с трудом разлепил веки и, широко зевая, сел.

- Куда опять?

- В Кушаф, что в Ильбарских горах, где мы провели зиму и где - волки Балаша наверняка перережут нам глотки!

Гаттус, ухмыляясь, поднялся:

- Ты не питаешь нежных чувств к кушафи, зато Конан с ними прекрасно ладит.

Тубал сдвинул брови и, ничего не ответив, с гордо поднятой головой вышел через дверь, ведущую в пристройку. Скоро оттуда послышались проклятия и пофыркивание разбуженных людей.

Минуло два часа. Внезапно неясные фигуры, наблюдавшие за постоялым двором снаружи, подались глубже в тень, ворота распахнулись и три сотни Вольных Братьев верхами, по двое в ряд выехали на улицу - каждый вел в поводу вьючного мула и запасную лошадь. Люди всевозможных племен, они были остатками той разгульной вольницы, что промышляла разбоем среди степей у моря Вилайет. После того как царь Турана Ездигерд, собрав мощный кулак, в тяжелой битве, длившейся от восхода до заката, одолел сообщество изгоев, они во главе с Конаном ушли на юг. В лохмотьях, умирающие с голода, воины сумели добраться до

Аншана. Но сейчас, облаченные в шелковые, ярких красок шаровары, в заостренных шлемах искуснейших мастеров Иранистана, увешанные с головы до пят оружием, люди Конана являли собой весьма пеструю картину, говорившую скорее об отсутствии чувства меры, чем о богатстве.

А тем временем во дворце царь Иранистана, сидя на троне, размышлял о серьезных вещах. Подозрительность до того источила его душу, что ему повсюду мерещился заговор. До вчерашнего дня он возлагал надежды на поддержку Конана с его отрядом безжалостных наемников. Дикарю с севера заметно не хватало придворной учтивости и манер, но он, несомненно, оставался верен своему варварскому кодексу чести. И вот этот варвар открыто отказывается выполнить приказ Кобад-шаха - схватить изменника Балаша и...

Царь бросил случайный взгляд на гобелен, скрывающий альков, и рассеянно подумал, что вот, должно быть, опять поднимается сквозняк, потому что занавес слегка колыхнулся. Затем посмотрел на забранное позолоченной решеткой окно - и весь похолодел! Легкие шторы на нем висели неподвижно. Но он же ясно видел, как шевельнулся занавес!

Несмотря на невысокий рост и склонность к полноте, Кобад-шаху нельзя было отказать в мужестве. Не медля ни секунды, он подскочил к алькову и, вцепившись в гобелен обеими руками, откинул в стороны занавес. В черной руке блеснуло лезвие, и убийца ударил кинжалом в грудь царя. Дикий вопль прокатился по покоям дворца. Царь повалился на под увлекая за собой убийцу. Человек закричал, подобно дикому зверю, в его расширенных зрачках сверкнул огонь, лезвие только скользнуло по груди, открыв спрятанную под одеждой кольчугу.

Громкий крик ответил на призывы повелителя о помощи. В коридоре послышались быстро приближающиеся шаги. Одной рукой царь схватил убийцу за руку, другой - за горло. Но напрягшиеся мускулы нападавшего были тверже узлов стального троса. Пока убийца и его жертва, крепко сцепившись, катались по полу, кинжал, вторично отскочив от кольчуги, поразил короля в ладонь, в бедро и в руку. Под столь свирепым натиском отпор Кобад-шаха начал ослабевать. Тогда убийца, схватив царя за горло, занес кинжал для последнего удара, но в этот миг, подобно разряду молнии, что-то блеснуло в свете ламп, железные пальцы на горле разжались, и огромный чернокожий, с раскроенным до зубов черепом, рухнул на мозаичный пол.

- Ваше величество! - Над Кобад-шахом высилась массивная фигура Готарзы, капитана королевской гвардии, его лицо под длинной черной бородой было смертельно-бледным. Пока повелитель располагался на

диване, Готарза рвал на полосы занавески, чтобы перевязать раны Кобад-шаха.

- Смотри! - вдруг еле слышно произнес царь, вытянув вперед дрожащую руку. - Кинжал! Великий Асур! Что это?!

Кинжал лежал возле руки мертвеца, клинок блестел точно в лучах солнца, - необычное оружие, с волнистым лезвием, по форме напоминавшим огненный язык. Готарза всмотрелся - и выругался, пораженный.

- Огненный кинжал! - выдохнул Кобад-шах. - Такими же убили владык Турана и Вендии!

- Знак Невидимых! - прошептал Готарза, с тревогой вглядываясь в зловещий символ древнего культа.

Дворец быстро наполнялся шумом. По коридору бежали рабы и слуги, громко спрашивая друг у друга, что случилось.

- Закрой дверь! - приказал царь. - Пошли за дворцовым, управляющим, больше никого не впускай!

- Но, ваше величество, вам нужен лекарь, - попробовал возразить капитан. - Раны не опасны, но, возможно, кинжал отравлен.

- Не сейчас - после. Интересно... Кем бы он ни был, ясно одно: его подослали мои враги. Великий Асур! Значит, джезмиты приговорили меня к смерти! - Ужасное открытие поколебало мужество властителя. - Кто охранит меня от змеи в постели, ножа предателя или яда в кубке вина? Правда, есть еще этот варвар Конан, но даже ему, после того как он посмел перечить, даже ему я не могу доверить свою жизнь... Готарза, пришел управляющий? Пусть войдет. - Показался тучный человечек. - Ну, Бардийя, - обратился к нему царь. - Какие новости?

- О ваше величество, что здесь случилось? Смею надеяться...

- Сейчас не важно, что случилось со мной, Бардийя. По глазам вижу ты что-то знаешь. Итак?

- Козаки во главе с Конаном покинули город. Страже Северных ворот Конан сказал, что отряд выступает по вашему приказу, чтобы схватить изменника Балаша.

- Хорошо. Как видно, варвар раскаялся в своей наглости и хочет загладить вину. Дальше.

- Хакамани хотел схватить Конана на улице, по пути к дому, но тот, убив его человека, бежал.

- Тоже неплохо. Отзови Хакамани до тех пор, пока все окончательно не прояснится. Еще что-нибудь?

- Одна из женщин сераля - Нанайя, дочь Куджала, сегодня ночью

бежала из дворца. Найдена веревка, по которой она спустилась из окна.

Кобад-шах исторг из груди дикое рычание.

- Наверняка она сбежала с этим подонком Конаном! Слишком много совпадений! И, должно быть, он как-то связан с Невидимыми. Иначе почему мне подослали джезмита сразу после ссоры с киммерийцем? Скорее всего, он же и подослал. Готарза, подними королевскую гвардию и скажи за козаками. Принеси мне голову Конана, иначе поплатишься своей! Возьми по меньшей мере пятьсот воинов. С наскока варваров не одолеть: в бою они свирепы и отлично владеют любым оружием.

Готарза поспешил исполнить приказание, а царь, повернувшись к управляющему, сказал:

- А сейчас, Бардийя, принеси пиявок. Готарза прав: похоже, клинок был отравлен.

После бегства из Аншана прошло три дня. Скрестив ноги, Конан сидел на земле в том месте, где тропа, замысловатой петлей перевалив через горный кряж, выходила к склону, у подножия которого раскинулось селение Кушаф.

- Я встану между тобой и смертью, - говорил варвар человеку, сидящему напротив, - так же, как это сделал ты, когда твои горные волки едва нас не перерезали.

Его собеседник в раздумье подергал бороду в бурых пятнах. В его могучих плечах и мощной груди угадывалась исполинская сила, волосы, местами тронутые сединой, говорили о жизненном опыте. Общую картину дополнял широкий пояс, ощетинившийся рукоятками кинжалов и коротких мечей. Это был сам Балаш, вождь местного племени и правитель Кушафа, а также прилегающих к нему деревень. Несмотря на столь высокое положение, его речь звучала просто и сдержанно.

- Боги покровительствуют тебе! И все же никто не избегнет поворота, за которым ему уготована смерть.

- За свою жизнь надо или драться, или спасаться бегством. Человек не яблоко, чтобы спокойно ждать, пока кто-то не сорвет его и не съест. Если думаешь, что еще можно поладить с царем, отправляйся в Аншан.

- У меня слишком много врагов при дворе. Они вылили в уши повелителя бочку лжи, и тот не станет меня слушать. Меня просто повесят в железной клетке на съедение коршунам. Нет, я не пойду в Аншан.

- Тогда ищи для племени другие земли. В здешних горах хватает закоулков, куда не добраться даже царю.

Балаш бросил взгляд вниз, на селение, окруженное стеной из камня и глины, с башнями через равные промежутки. Его тонкие ноздри

расширились, глаза зажглись темным пламенем, как у орла над гнездом с орленком.

- Клянусь Асурой, нет! Мой народ живет здесь со времен Барама. Пусть царь правит у себя в Аншане, здесь повелитель - я!

- Кобад-шах с таким же успехом может править и Кушафом, - проворчал сидящий на корточках за спиной Конана Тубал. Гаттус сидел слева.

Балаш перевел взгляд на восток, где уходящая тропа терялась между скал. На их вершинах ветер рвал куски белой ткани - одежду лучников, день и ночь стерегущих проход в горах.

- Пусть приходит, - сказал Балаш. - Мы перекроем горные тропы.

- Он приведет с собой десять тысяч тяжеловооруженных воинов с катапультами и осадными машинами, - возразил Конан. - Он дотла сожжет Кушаф и увезет в Аншан твою голову.

- Пусть будет что будет, - ответил Балаш.

Конан с трудом подавил волну гнева, вызванную тупым фатализмом этого человека. Все инстинкты деятельной натуры киммерийца восставали против философии пассивного ожидания. Но поскольку он с отрядом оказался в западне, пришлось смолчать. Он лишь не мигая смотрел на запад, где над пиками висело солнце - огненный шар на ярко-синем небе.

Указав на селение, Балаш перевел разговор на другую тему:

- Конан, я хочу тебе кое-что показать. В той полуразвалившейся хижине снаружи стены лежит мертвец. Таких людей в Кушафе никогда прежде не видели. Даже после смерти в этом теле есть что-то таинственное, злое. Мне даже кажется, что это не человек вовсе, а демон. Идем.

Он зашагал вниз по тропе, рассказывая на ходу:

- Мои воины наткнулись на него, лежащего у подножия скалы. Было похоже, что он или упал с вершины, или его оттуда сбросили. Я приказал перенести его в селение, но по пути он умер. В забытьи все пытался что-то сказать, но его наречие нам незнакомо. Воины решили, что это демон, и, полагаю, тому есть причины.

На расстоянии дневного перехода к югу, в горах, таких бесплодных и неприступных, что в них не прижился и горный козел, лежит страна, которую мы зовем Друджистан.

- Друджистан! - эхом отозвался Конан. - Страна демонов!

- Да. Там, среди скал и ущелий, таится Зло. Осторожный обходит эти горы стороной. Местность кажется безжизненной, но кто-то там все-таки обитает - люди или духи, не знаю. Иногда на тропах находят тела убитых

путников, случается, во время переходов пропадают женщины и дети - это все работа демонов. Не однажды, заметив неясную тень, мы бросались в погоню, но каждый раз путь преграждали отвесные гладкие скалы, сквозь которые под силу пройти только порожденьям ада. Иногда эхо доносит до нас бой барабанов или громоподобное рычание. От этих звуков сердца храбрейших из мужчин обращаются в лед. В моем народе живет старая легенда, которая гласит, что тысячи лет назад повелитель упырей Урра построил в тех горах волшебный город под названием Джанайдар и что призраки Урры и его подданных до сих пор обитают среди городских развалин. По другой же легенде, тысячу лет назад вождь ильбарских горцев повелел отстроить город заново, чтобы превратить его в свою крепость. Работы шли уже полным ходом, но в одну ночь и вождь, и его подданные исчезли, и с тех пор никто их больше не видел...

Тем временем они подошли к хижине. Балаш распахнул покосившуюся дверь, и через минуту все четверо, наклонившись, разглядывали распростертое на грязном полу тело.

Внешность покойного и впрямь была необычной, а потому настораживающей, - внешность чужака. Коренастая фигура с широким плоским лицом и узкими раскосыми глазами, кожа цвета темной меди - все указывало на выходца из Кхитая.

Жесткие, в запекшейся крови черные волосы на затылке и неестественно вывернутые конечности указывали на множество переломов.

- Ну, разве он не похож на порождение Зла? - спросил Балаш.

- Это не демон, - ответил Конан, - хотя при жизни в нем, может быть, и было что-нибудь такое. Он кхитаец - выходец из страны, расположенной далеко на востоке от Гиркании, за горами, пустынями и джунглями, такими обширными, что в них затеряется и дюжина Иранистанов. Я проезжал по тем землям, когда служил у короля Турана. Но каким ветром этого парня занесло к нам? Трудно сказать...

Внезапно его глаза сверкнули, и он сорвал с мертвеца запачканную кровью накидку. Их глазам открылась шерстяная рубашка, и Тубал, заглядывающий Конану через плечо, не смог сдержать возгласа удивления: на рубашке, вышитый пурпуровыми нитками, виднелся необычный знак человеческая рука, сжимавшая рукоять кинжала с волнистым лезвием. Рисунок был такого насыщенного цвета, что на первый взгляд казался кровавым пятном.

- Кинжал Джезма! - прошептал Балаш, отпрянув от этого символа смерти и разрушения.

Все посмотрели на Конана, который пристально разглядывал

зловещую эмблему. Необычное зрелище пробудило в нем смутные воспоминания, и сейчас, напрягая память, он пытался по отдельным штрихам восстановить целостную картину древнего культа поклонения Злу. Наконец, повернувшись к Гаттусу, он сказал:

- Когда я промышлял в Заморе воровством, то, помню, слышал краем уха о каком-то культе джезмитов, пользующихся таким символом. Ты заморанец, может быть, знаешь о нем?

Гаттус пожал плечами.

- Есть много культов, которые своими корнями уходят в далекое прошлое, к временам до Великого потрясения. Правители немало потрудились, чтобы выкорчевать их, но каждый раз те прорастали вновь. Знаю, что Невидимые, или, как их еще называют, сыны Джезма, исповедуют один из таких культов, но больше мне нечего сказать. Я всегда предпочитал держаться от таких дел подальше.

Тогда Конан обратился к Балашу:

- Твои люди могут проводить меня к месту, где нашли его?

- Конечно. Но это дурное место, в ущелье Призраков, на границе Друджистана, и я бы...

- Хорошо. Сейчас всем спать. Выступаем на рассвете.

- В Кешан? - Балаш вскинул брови.

- Нет. В Друджистан.

- Неужели ты всерьез считаешь, что...

- Я ничего не считаю... пока.

- Отряд идет с нами? - спросил Тубал. - Лошади сильно измотаны.

- Нет. Лошади пусть отдыхают. Со мной пойдут лишь Гаттус и ты. В проводники возьмем одного из воинов клана. За начальника остается Кодрус. И передай ему, что, если в мое отсутствие наши псы начнут лапать женщин Кушафа, я разрешаю снести пару-другую голов.

2. СТРАНА ЧЕРНЫХ ГОР

Неровный, в горных вершинах горизонт уже укрыли сумерки, когда проводник натянул поводья. Скалистая земля перед путниками была разорвана глубоким каньоном. По ту сторону громоздились мрачные вершины, черные пики остриями вонзались в небо, повсюду изломы и провалы - невообразимый хаос черного камня.

- Отсюда начинается Друджистан, - сказал проводник. - Это ущелье Призраков. За ним лежит страна Смерти и Ужаса. Дальше я не пойду.

Конан кивнул. Его глаза пытались отыскать в изрезанном склоне тропу, ведущую на дно каньона. Вот уже много миль они шли по заброшенной древней дороге, но местами казалось, что в последнее время

ею пользовались.

Конан огляделся. Рядом с ним стояли Тубал, Гаттус, проводник и Нанайя - бывшая наложница гарема Кобад-шаха. Девушка упросила взять ее с собой, потому что, как она заявила, ей страшно оставаться одной, вдали от киммерийца, среди племени дикарей, чьего наречия она не понимает. За время бегства из Аншана, несмотря на все тяготы пути, Конан не услышал от нее ни слюю жалобы и потому согласился с ее доводами.

- Сами видите, - снова заговорил проводник, - по дороге снова ходят демоны. Этим путем они выбираются из своей Черной страны, им же возвращаются обратно. Но люди, ушедшие за ущелье, не возвращаются уже никогда.

Тубал презрительно усмехнулся.

- На что демонам тропа? У них же крылья, они летают, как летучие мыши!

- Когда демоны принимают человеческий облик, то ходят, как люди, ответил проводник. Он указал на крутую скалистую гряду, за которой терялась тропа. - У подножия этой гряды мы и нашли человека, которого ты назвал кхитайцем. Я думаю, его братья-демоны что-то с ним не поделили и сбросили со скалы.

- А может быть, он карабкался вверх и сорвался, - проворчал Конан. Кхитайцы - жители пустынь, они не привыкли лазить по горам. От вечной жизни в седле их ноги стали кривыми и ослабели. Такой легко может и оборваться.

- Конечно, если он - человек, - ответил проводник. - Но... Великий Асур!

Спутники Конана так и подскочили на месте, а проводник, с расширенными от ужаса глазами, схватился за лук. Откуда-то с юга, со стороны черных пиков до них донесся ни на что не похожий звук - резкое, злобное рычание, эхом прокатившееся по горам.

- Голоса демонов! - в страхе воскликнул проводник, так резко дернув повод что его лошадь с пронзительным ржанием подалась назад. - Заклинаю именем Асуры - уйдем отсюда! Оставаться здесь - безумие!

- Если трусишь отправляйся обратно в свою деревню! - сказал Конан. Я еду дальше. - На самом же деле от этих проявлений сверхъестественных сил по спине киммерийца пробежали мурашки, но он не хотел показывать вида перед своими спутниками.

- Один, без отряда? Ты сумасшедший! Пошли хотя бы за своими людьми!

Глаза Конана сузились, как у волка при виде добычи.

- Не сейчас. Для разведки чем меньше людей, тем лучше. Я полагаю, на эту страну демонов стоит взглянуть поближе. Кто знает, вдруг она потом пригодится как опорный пункт. - Он повернулся к Нанайе. - Тебе лучше вернуться в селение.

На глаза девушки навернулись слезы.

- Не прогоняй меня, Конан! - дрожащим голосом вымолвила она. - Эти дики, эти горцы... они надругаются надо мной!

Конан окинул взглядом ее крепкое гибкое тело с развитой мускулатурой.

- Пожалуй, если кто и решится на это, ему прежде придется изрядно потрудиться, - сказал он. - Ладно, будь по-твоему, и не говори потом, что я тебя не отговаривал.

Проводник повернул низкорослую лошадку и крикнул через плечо:

- Балаш прольет немало слез! В Кушафе все взывают от горя! Ай-а! Ай-а!

Он ударил пятками в бока лошади, и его насмешливые притчания потонули в стуке копыт о каменистую тропу. Еще мгновение - и всадник пропал за скалой.

- Беги, трусливый шакал! - завопил ему вслед Тубал. - Мы повяжем твоих демонов и за хвосты притащим в Кушаф! - Но только всадник скрылся, он замолчал.

- Ты прежде слышал что-нибудь подобное? - спросил Конан Гаттуса.

Заморанец кивнул:

- Да. В горах, где до сих пор поклоняются Злу.

Не говоря ни слова, Конан тронул поводья. В неприступной Патении ему тоже доводилось слышать рычание, которое жрецы Эрлика выдували из десятифутовых бронзовых труб.

Тубал фыркнул, как носорог. Он никогда не слышал этих труб, а потому, прежде чем спускаться по крутым склонам прямо в сумерки на дно каньона, втиснул свою лошадь между лошадьми товарищей. Потом резко сказал:

- Итак, Конан, эти двуличные собаки из Кушафа, способные во сне перерезать гостю горло, добились чего хотели: заманили нас в свою проклятую страну демонов. Что думаешь делать?

Все это смахивало на ворчание старого пса при виде того, как его хозяин ласкает другую собаку - порезвей и помоложе. Конан наклонил голову, чтобы скрыть усмешку.

- На ночь остановимся в ущелье. Лошади слишком устали, чтобы идти по камням, да еще ночью. К делу приступим завтра.

Я думаю, где-то в горах, за ущельем, у Невидимых должен быть лагерь. Вряд ли в соседних с Черной страной горах найдется селение, расположенное ближе Кушафа, а от него сюда целый день нелегкого пути. Кочующие племена, опасаясь воинственных соплеменников Балаша, обходят эти места стороной, а те слишком суеверны, чтобы самим обследовать горы за ущельем Призраков. Так что Невидимые могут уходить и возвращаться без особого риска быть замеченными. Я пока не решил, что мы предпримем дальше. Но уверен в одном: отныне наша судьба на кончиках пальцев богов.

Спустившись в каньон, они увидели, что тропа, петляя среди каменных завалов, ведет дальше по ложу и сворачивает в глубокую расселину, выходившую в каньон с юга. Южная стена была гораздо выше и круче северной. Она, словно застывший вал, черной громадой взметнулась вверх, местами прерываясь узкой расселиной - входом в ущелье.

Конан свернул вслед за тропой и, доехав до первого поворота, заглянул за каменный выступ. Зажатое между отвесными стенами, ущелье хранило настороженное молчание. Извиваясь подобно змеиному следу, оно уходило дальше - во мрак.

- Это наша дорога на завтра, - сказал Конан. Его спутники молча кивнули, и все четверо выехали из ущелья в главный каньон, где еще держался свет. В гнетущей тишине цоканье лошадиных копыт казалось непривычно громким.

В нескольких десятках шагов от ущелья, откуда путники только что выехали, находилось другое, поуже. На его каменистом ложе не было признаков тропы, и оно сужалось так резко, что наверняка кончалось тупиком.

Где-то посередине, у северной стены, в выщербленной временем скале образовалось естественное углубление, в котором был крошечный родничок. За ним, в скалистой нише, напоминавшей пещеру, росла скучная жесткая трава. Там Конан и решил привязать уставших лошадей, а лагерь разбить у ключа. Поужинали вяленым мясом - огонь не разводили, чтобы не привлекать враждебных глаз.

Конан выставил посты в двух местах: Тубал должен был вести наблюдение к западу от лагеря, у входа в узкое ущелье, а Гаттус получил пост у восточного, куда сворачивала тропа. Если бы враг проходил по каньону или крался ущельем, он неминуемо наткнулся бы на бдительных стражей.

Каньон быстро заполняла тьма. Казалось, она стремительными потоками стекает с горных вершин, выползает из узких ущелий. Звезды -

равнодушные, холодные - замерзали в ночном небе. Над незваными гостями нависли хмурые вершины изломанных гор. Засыпая, Конан вяло подумал, свидетелями каких ужасных человеческих драм могли оказаться эти вершины за тысячи тысяч лет.

Несмотря на долгое общение с цивилизацией, Конан не растерял природных инстинктов дикаря. Заслушав во сне крадущиеся шаги, он открыл глаза и, припав к земле, скав в руке меч, приготовился к бою. Но тревога оказалась ложной - над ним, едва различимая во мраке, возвышалась массивная фигура шемита.

- В чем дело? - недовольным голосом пробормотал Конан.

Тубал опустился на колени. За его спиной, невидимые в тени скал, беспокойно переступали лошади. И прежде чем Тубал открыл рот, киммериец кожей почувствовал разлитую в воздухе угрозу.

Тубал зашептал ему в ухо:

- Гаттус убит, женщина пропала! По ущелью крадется Смерть!

- Что?

- Гаттус лежит у расселины с перерезанной глоткой. Я услышал со стороны восточного ущелья хруст камешков, но решил тебя не будить, а тихонько подкрался туда и увидел Гаттуса - на камнях, в крови. Похоже, он умер внезапно, не успев поднять тревоги. Я ничего не заметил, а из расселины не донеслось ни звука. Тогда я поспешил обратно и не нашел Нанайи. Демоны Черных гор, ничем не выдав себя, убили одного из нас и унесли другого! Я чувствую затаившуюся Смерть! Великий Асур! Это и вправду ущелье Призраков!

Конан бесшумно поднялся на колено: чувства предельно обострены, все тело - комок нервов и мускулов. Внезапная смерть всегда бдительного заморанца и таинственное похищение женщины отдавали чем-то жутким.

- Разве можно бороться с демонами? - снова зашептал шемит. - Давай-ка лучше к лошадям и...

- Тихо! Слушай!

Откуда-то донеслись едва слышные шаги. Конан поднялся, взглядываясь в темноту. Вот от стены отделились неясные тени и, крадучись, стали приближаться. Левой рукой Конан вытащил нож. Тубал, скав рукоятку длинного ильбарского кинжала, застыл рядом - безмолвный, напрягшийся, как волк в западне.

Все ближе, ближе цепочка теней: вот она растянулась, охватывая с обеих сторон. Конан и шемит сделали несколько шагов назад пока не уперлись спинами в каменную стену - мера против возможного окружения.

Атака была стремительна: мягкое быстрое шлепанье босых ног,

тусклый блеск стали в неверном свете звезд. Конан едва различал нападавших - лишь смутные силуэты да мерцание стали. Нанося удары, увертываясь, он больше полагался на природное чутье, чем на слух и зрение.

Первого, кто оказался в пределах досягаемости его меча, Конан убил одним ударом. Увидев, что таинственные тени - всего лишь люди, Тубал исторг из груди низкое рычание и со всей яростью обрушился на врага. Взмахи его тяжелого трехфутового кинжала производили среди врагов опустошительное действие. Бок о бок, спиной к отвесной скале, друзья могли не опасаться нападения с тыла или флангов.

Сталь звенела о сталь, высекая искры. То и дело раздавался звук, как в мясной лавке, когда секач в руках мясника разрубает мясо и кости. Люди пронзительно вскрикивали, в перерезанных глотках булькала кровь, под ногами хрипели раненые и умирающие. Несколько мгновений людской клубок колыхался, как бы перемалывая сам себя. Однако постепенно чаша весов стала склоняться на сторону двоих, у стены. Во тьме оба видели не хуже нападавших, в единоборстве неизменно брали верх, к тому же знали, что их клинки поражают только врагов, последним мешала собственная многочисленность: опасения, что в пылу схватки они могут задеть своего, сковывали их движения.

Конан наклонил голову раньше, чем заметил взмах меча. Его ответный удар пришелся по стальной полосе. Не пытаясь прорубить броню, он полоснул по открытому бедру, и враг упал. На его место ту же заступила другой, и пока Конан разделялся с этим, упавший на локтях прополз вперед и, привстав на здоровое колено, ударил ножом. Киммерийца спасла кольчуга. Нож в левой руке Конана отыскал горло врага, и на ноги киммерийца пролилась струя горячей крови. И вдруг натиск иссяк. Отхлынув, нападавшие, как призраки, растаяли во тьме.

Стало чуть светлее. Над восточным краем каньона серебряной полоской лежал слабый свет - всходила луна.

Тубал, точно волк, вывалив язык, погнался за отступавшими тенями, его борода была забрызгана кровью, в уголках рта выступила пена. Он споткнулся о труп и, прежде чем сообразил, что перед ним мертвец, с дикой яростью вонзил в него клинок. Конан настиг шемита и схватил за руку. В бешенстве Тубал едва не сбил варвара с ног.

- Угомонись ты! - зарычал на него Конан. - Или хочешь угодить в западню?

От этих слов к Тубалу вернулась его волчья осторожность. Оба бесшумно заскользили за неясными тенями, одна за другой исчезавшими а

пасти восточной расселины. Добежав до нее, преследователи остановились, пристально всматриваясь в черный провал. Где-то далеко впереди слышался удаляющийся хруст камешков под чьими-то ногами. Конан весь подобрался, точно пантера при виде дичи.

- Псы удирают, - тихо сказал Тубал. - Погонимся дальше?

Конан покачал головой. Нанайя в плену, и он не может позволить себе сломя голову броситься в погоню по этому темному, извилистому коридору, где за каждым поворотом их может подстеречь засада, а значит, почти неминуемая смерть.

Они вернулись в лагерь, к лошадям, совершенно обезумевшим от густого запаха свежепролитой крови.

- Когда луна поднимется высоко и зальет каньон своим светом, они нашпигнут нас стрелами, не выходя из расселины.

- Придется рискнуть, - проворчал Конан. - Будем надеяться, что стрелки из них неважные.

В полном молчании они опустились на корточки в тени скал. По мере того как каньон заливала призрачный лунный свет, проступали очертания валунов, уступов, стен. Ни один звук не нарушал царящей вокруг тишины. Затем при бледном свете Конан посмотрел на четырех мертвцевов, брошенных врагом во время бегства. Тубал взгляделся в застывшие бородатые лица...

- Шабатийцы! - тихо воскликнул он. - Почитатели Зла!

- Не удивительно, что они подкрались неслышно, как кошки, пробормотал Конан. Проезжая как-то по Шему, ему доводилось слышать рассказы о сверхъестественной способности сторонников этого древнего отвратительного культа подбираться к жертвам без малейшего шороха. В своих мрачных храмах, выстроенных в честь проклятого богами и людьми Шабата, эти люди поклонялись своему идолу - золотому Павлину. - Интересно, что им здесь понадобилось? Ведь их родина Шем. Что ж, поглядим... Ого!

Конан распахнул на одном из трупов накидку. На полотняной куртке на широкой груди шабатийца кровавым цветом полыхала эмблема - рука, скимавшая кинжал с лезвием в форме языка пламени. Тубал откинулся на туники с остальных у всех на рубашках был вышит кулак и нож. Шемит спросил:

- Что это за культ Невидимых, если он притягивает людей из ближнего Шема, и из Кхитая, за тысячи миль отсюда?

- Вот это я и хочу выяснить, - ответил Конан.

Они помолчали. Затем Тубал поднялся и сказал:

- Теперь куда?

Конан указал на цепочки следов, алевших на голых камнях.

- Вот наша путеводная нить.

Пока Тубал вытирал с клинка кровь и вкладывал его в ножны, Конан обмотал вокруг пояса длинную прочную бечевку с тремя спаянными крюками на конце. В свою бытность вором он частенько пускал в ход это орудие. Тем временем луна поднялась еще выше и высветила узкую серебряную полосу посередине каньона.

Избегая прямого света, они приблизились к устью ущелья. Ни звона спущенной тетивы, ни свиста дротика, ни таинственных теней за скалами, тихо. На камнях отчетливо виднелась дорожка из кровавых пятен: должно быть, шабатийцы уносили тяжелораненых с собой.

Лошадей оставили в лагере. Конан полагал, что враги также уходили пешими, а кроме того, проход был настолько узок и загроможден камнями, что в случае внезапной схватки всадник оказался бы в невыгодном положении.

У каждого поворота они ожидали засады, но цепочка кровавых следов не прерывалась, и никто не заступал дорогу. Пятна крови заметно поредели, но и этих было довольно, чтобы не сбиться с пути.

Конан прибавил шагу: он очень надеялся, что раненые и пленница замедлят бегство врага. Скорее всего, Нанайя все еще жива, иначе они наткнулись бы на ее труп.

Ущелье стало подниматься, сузилось, снова расширилось, пошло вниз, сделало поворот и вышло в другой каньон, протянувшийся с востока на запад. Этот оказался шириной в несколько сот футов. След, напрямую пересекая открытое пространство, вел к монолитной южной стене и там обрывался.

- Кажется, эти трусливые псы из Кушафа не соврали: след обрывается у скалы, а через нее перелетит разве что птица.

Конан остановился, озадаченный. Приметы древней дороги потерялись давно - еще в ущелье Призраков. Но шабатийцы наверняка прошли этим путем. Киммериец окунул стену внимательным взглядом - каменная глыба взметнулась в небо на сотни футов. Прямо над ним, на высоте футов пятнадцати, в результате выветривания породы в стене образовался небольшой выступ шириной три и длиной шесть-семь шагов. На первый взгляд это мало что значило, но где-то посередине, между землей и выступом, острый глаз варвара различил на камне темное пятно.

Конан размотал с пояса веревку. Затем, раскрутив, послал тяжелый конец вверх. Крюк впился в камень на краю выступа. С проворством, с

каким обычный человек взбирается по лестнице, Конан полез по тонкой гладкой нити. Добравшись до пятна, он довольно хмыкнул - вне всяких сомнений, это была кровь. Должно быть, ее оставил раненый, когда его поднимали в петле к выступу.

Внизу Тубал, переминаясь с ноги на ногу, пытался разглядеть получше выступ, словно опасаясь затаившихся убийц. Но когда Конан показался над краем, площадка оказалась пуста.

Он поднялся на выступ, и сразу в глаза ему бросилось тяжелое, невидимое снизу бронзовое кольцо в стене. От частого употребления металл блестел. Край выступа, площадка - все было густо измазано кровью. Здесь стена уже не казалась монолитной. Но варвар заметил еще кое-что: едва различимые кровавые отпечатки пальцев на скале. Он тщательно исследовал все щели, затем приложил свою ладонь к кровавому отпечатку, нажал. Часть стены бесшумно ушла в сторону. Перед Конаном открылся узкий проход, в дальнем конце которого мерцал лунный свет.

Весь подбравшись, готовый к любым неожиданностям, Конан шагнул в проем. И тут же услышал удивленный вопль шемита, который, глядя вверх, решил, что его товарища проглотила скала. Чтобы успокоить Тубала, Конан показался над краем, а затем вновь обратился к своему открытию.

Ход был короткий и другим концом выходил в расселину. Прямой, как ножевая рана, туннель прорезал скалу на сотню футов и дальше резко сворачивал вправо. Дверь представляла собой плиту неправильной формы, навешенную на массивные тщательно смазанные бронзовые шарниры. Плита идеально совпадала с проемом, а благодаря изломанному краю узкие щели по периметру казались обычными щербинами в камне.

Прямо у входа лежала бухта веревочной лестницы из прочной сыромятной кожи. Закрепив конец в кольце снаружи, Конан сбросил лестницу вниз. И пока Тубал, горя нетерпением, быстро карабкался к выступу, киммериец втянул свою веревку и снова обмотал ее вокруг пояса.

Уразумев тайну исчезновения врагов, шемит даже выругался по-своему.

- Но почему они не закрыли дверь изнутри? - спросил он, угомонившись.

- Возможно, этим ходом постоянно пользуются. К тому же когда на хвосте погоня, то громкими призывами к страже можно обнаружить себя и выдать секрет. Но удивительно, что дверь до сих пор не нашли, - если бы не следы крови, я тоже топтался бы сейчас внизу.

Тубал рвался вперед но киммериец медлил. Он не видел признаков стражи, но резонно полагал, что мастера, с такой выдумкой

замаскировавшие вход в свою страну, вряд ли оставят его без охраны.

Конан поднял лестницу, смотал в бухту и уложил на место. Потом закрыл плитой проем, и туннель погрузился во тьму. Приказав недовольно ворчавшему шемиту оставаться у двери, он осторожно двинулся вперед.

Выйдя в расселину, Конан огляделся. Над головой, на высоте сотен футов, сквозь узкую изломанную щель виднелось звездное небо. Кошачьим глазам варвара с избытком хватало скучного света, падавшего на пол.

С не меньшей осторожностью, но уже более уверенно, он сделал еще несколько шагов и замер: впереди, за поворотом, послышался хруст камешков. Киммериец едва успел втиснуть свое массивное тело в нишу, вырубленную в боковой стене, как показался стражник. Уверенный в собственной безопасности, тот шел вразвалочку, едва поднимая ноги, как бы показывая всем своим видом, что занят привычным, нудным делом. Это был коренастый, приземистый кхитаец с неподвижным лицом цвета меди. В руке он держал короткое копье.

Вот стражник поравнялся с нишней, где укрылся Конан. Вдруг, повинувшись внезапно проснувшемуся инстинкту, он резко повернул голову - зубы обнажены в оскале, копье наизготовку. Схватка заняла мгновение. Стражник еще поворачивал голову, а Конан был уже рядом. Взмах меча - и кхитаец рухнул на каменный пол с разрубленным черепом.

Застыв как изваяние, Конан вглядывался в проход. Никаких подозрительных звуков - как видно, стражник был один. Тогда киммериец тихонько свистнул. Истомившийся ожиданием Тубал не заставил себя долго ждать. При виде мертвеца шемит скрипнул зубами.

Конан наклонился над тем, что еще недавно было стражником, и отогнул верхнюю губу мертвеца. Клыки были спилены.

- Еще один сын Эрлика, желтого бога Смерти. И неизвестно, сколько их еще скрывается в этих горах... Спрячем его вон под теми камнями.

За поворотом глубокая расселина снова шла прямо, пока не упиралась в очередной излом. И чем дальше приятели продвигались, тем больше успокаивался Конан: было ясно, что в проходе нет другой стражи.

Когда друзья наконец вышли из расселины, небо на востоке уже начинало бледнеть. В этом месте царил настоящий каменный хаос. Вместо одного ущелья - не меньше дюжины. Подобно реке, разделенной в дельте на десятки рукавов, они стремились вдаль, огибая утесы и огромные обломки стен. Острые шпили и башни из черного камня мрачными призраками вытянулись к розовеющему небу.

С трудом пробираясь между этими угрюмыми стражами, двое искателей приключений вышли к огромной скале. У ее подножия лежала

очищенная от камней ровная площадка шагов триста в ширину. Тропинка, выщербленная в камне тысячами ног, пересекала открытое место и поднималась по вырубленному в скале карнизу. И никаких намеков на то, что может подстерегать там, наверху. Выставив слева и справа по часовому изрезанному непогодой черному шпилю, - монолитная стена отступала назад.

- Куда теперь? - В призрачном свете шемит походил на волосатого гоблина, который, замешкавшись, не успел до восхода солнца спрятаться в пещере.

- Похоже, мы недалеко от... Великий Кром! Что это?!

Над горами прокатился жуткий рев, который друзья слышали прошлой ночью, только на этот раз гораздо громче и отчетливее. Последние сомнения исчезли - это был резкий звук гигантской трубы.

- Нас обнаружили? - Тубал сжал эфес кинжала.

Конан пожал плечами.

- Не думаю. В любом случае сначала надо оглядеться, - нечего лезть на рожон... Туда!

Он указал на источенную временем высокую скалу, что высилась неподалеку в окружении шпилей пониже. Друзья быстро вскарабкались по склону, обращенному к стене и невидимому с другой стороны. С вершины открывался вид на окрестности. Устроившись за выступом, оба осторожно высунули головы.

- Великий Асур! - Тубал даже присвистнул от восторга.

С их наблюдательного пункта, схваченные одним взглядом сквозь утреннюю дымку, скалы напротив приобрели иные очертания - гигантского плато, приподнятого над ущельем на высоту не менее пятисот футов. На плато вел единственный путь - по вырубленной в камне тропе. С востока, севера и запада к плато подступали скалы, отрезанные от него провалом каньона. На юге плато упиралось в огромную черную гору, чьи острые пики господствовали над остальными вершинами.

Но друзья едва обратили внимание на красоты природы. Конан полагал, что кровавый след приведет их к поселку - чему-нибудь вроде пещеры или стойбища с шатрами из лошадиных шкур, на худой конец - к простеньким глинобитным хижинам, лепящимся по склону горы. Вместо этого, взору открылась панорама прекрасного города с куполами и башнями, поблескивающими в утреннем свете, - казалось, какие-то чародеи перенесли его из своей сказочной страны в каменную пустыню.

- Город демонов! - Тубал разинул рот. - Это все злые чары! Нас околдовали! - Думая, что спит, он укусил себя за руку.

Плато имело форму овала: около полутора миль с севера на юг и чуть меньше мили с востока на запад. Город расположился в его южной части и был прекрасно виден на фоне мрачной горы. В центре его, гордо возвышаясь над кронами деревьев и плоскими крышами домов, стояло величественное сооружение, увенчанное пурпурным куполом с золотым орнаментом. В лучах восходящего солнца он полыхал кровавым пламенем.

Кровь в жилах Конана заструилась быстрее. Немыслимый контраст угрюмых черных гор с яркими красками города нашел отклик в варварской душе киммерийца. Сияние пурпурного в золоте купола отдавало чем-то зловещим, а взметнувшиеся к небу черные шпили вокруг плато служили ему достойным обрамлением. Сам город, как бы возведенный среди руин и запустения могущественными силами Зла, будил предчувствие дурного.

- Так вот какое оно - логово Невидимых, - прошептал Конан. - Кто мог подумать, что в этакой глухомани скрывается целый город.

- Все равно нам с ними не совладать, - пробурчал Тубал.

Ничего не ответив, Конан вновь занялся наблюдениями. Чуть меньше, чем на первый взгляд, плотной, правильной застройки, город не был обнесен наружной стеной - невысокий бруствер вдоль края плато надежно защищал его от возможных врагов. Двух-трехэтажные дома утопали в чудесных садах и рощицах - еще более сказочных оттого, что все платоказалось сплошной каменной глыбой, где не нашлось бы места и травинке.

Наконец Конан принял решение:

- Тубал, возвращайся в наш лагерь в ущелье Призраков. Возьми лошадей и скачи в Кушаф. Передай Балашу, что мне нужны все его воины. Потом проведи их вместе с нашими головорезами по тропе через расселину. Укройтесь где-нибудь поблизости и не высывайтесь, пока не дам знак. Если меня убьют - действуйте по обстановке.

- Что ты задумал?

- Я иду в город.

- Совсем рехнулся!

- Не хорони меня раньше времени. Пойми, это единственный способ вызволить Нанайю. А потом уже будем думать, как лучше напасть на город. Если останусь жив и на свободе, то встретимся здесь же, если нет - решайте с Балашем сами.

- Чума на твоего Балаша! Зачем тебе соваться в этот рассадник зла?!

Глаза Конана сузились.

- Я хочу основать свою империю. В Иранистане для меня нет места. В Туране - тоже. Ты меня знаешь: со своей крепостью за спиной я горы сворочу. Только поторопись.

- Балаш на меня косо смотрит. Он просто плюнет мне в бороду, мне, понятное дело, придется его убить, после чего собаки из Кушафа прирежут и меня.

- Он этого не сделает.

- А вдруг откажется?

- Если позву его, пойдет за мной хоть в преисподнюю!

- Зато его люди не пойдут. Они дрожат перед демонами.

- Ничего, как только скажешь им, что их демоны - всего лишь люди, они перестанут дрожать.

Тубал еще потеребил свою бороду и, глубоко вздохнув, выдал свой главный довод:

- Тебя раскусят и сдерут с живого кожу.

- Пусть попробуют. Такого наплету - уши развесят. Прикинусь опальным воином, сбежавшим от царского гнева, и попрошу убежища.

Тубал сдался. Бормоча что-то себе в бороду, грузный шемит заскользил вниз по скале и скоро пропал среди камней. В воздухе по-прежнему стояла тишина. Немного погодя Конан спустился вслед за другом и направился в противоположную сторону - к тропинке, вьющейся по склону обрыва.

3. ГОРОД НЕВИДИМЫХ

Подойдя к подножию скалы, Конан начал взбираться по крутому склону. Вокруг не было ни души. Тропа непрерывно петляла, огибая огромные скальные выступы. С наружного края ее прикрывала низкая массивная стена. Скорее всего, ее возвели еще до появления в этих краях ильбарских горцев: на вид она была очень старой, но прочной, как сама скала.

Последние тридцать футов Конан поднимался по крутым ступеням, вырубленным в камне. Его так никто и не окликнул. Он бесшумно миновал полосу невысоких укреплений, возведенных по краю плато, и вышел прямо на группу сидящих на корточках стражников, азартно резавшихся в кости.

Заслышав хруст камешков под ногами варвара, семерка вскочила на ноги, выпучив глаза от удивления. Это были зуагиры - шемиты-пустынники, поджарые, с крючковатыми носами. Головы воинов прикрывали уборы из белой ткани, над поясами торчали рукояти кинжалов и ятаганов. Мгновенно прия в себя, они схватили брошенные рядом копья и изготовились к нападению.

Ни один мускул не дрогнул на лице киммерийца. Он остановился, невозмутимо глядя на стражников. Зуагиры, наоборот, не уверенные, как им лучше поступить, пребывали в явном замешательстве. Словно дикие кошки, угодившие в западню, они не спускали затравленных глаз с

нежданного гостя.

- Конан! - воскликнул вдруг самый рослый из зуагиров, в его голосе сквозили подозрительность и страх. - Ты здесь откуда?

Конан окинул взглядом поочередно всю семерку и сказал:

- Я хочу видеть вашего хозяина.

Однако это не произвело должного впечатления. По-прежнему настороже, они вполголоса переговаривались между собой, по очереди отводя назад правую руку, как бы примериваясь для броска. Наконец неясное бормотание прервал голос рослого зуагира:

- Что вы раскаркались! И так все ясно: мы занялись игрой и не заметили его. Мы нарушили свой долг, и, если об этом узнают, нам не поздоровится. А потому считаю, что его надо убить и сбросить вниз.

- Ага, - с готовностью согласился Конан, - валяйте, убивайте. А когда хозяин спросит вас: "А где мой Конан с важным донесением?" - вы ему ответите: "А ты нас не предупредил, и мы его убили, чтобы преподать тебе урок на будущее". Вот смеху будет.

Те поморщились а один пробурчал:

- Да проткнуть его - и делу конец! Никто и не узнает!

- Не так все просто, - возразил на это рослый. - Такого если не убьешь издали, он погуляет среди нас, как волк в овчарне.

- Да что там - схватить и перерезать глотку! - сунулся было другой, самый молодой в компании, но прочие так яростно зашипели на него, что тот отступил, посрамленный.

- Ага, режьте мне глотку, - скривился в усмешке варвар. Миг - и, выхватив меч из ножен, он молниеносным движением вычертил в воздухе восьмерку. - Один, пожалуй, уцелеет, - задумчиво заметил он. - Как раз хватит, чтобы доложить начальству о великой победе.

- Мертвые не болтают, - гнул свое молодой, за что и получил в живот тупым концом древка. Хватая ртом воздух, воин переломился надвое.

Сорвав часть накопившейся злобы на своем невоспитанном товарище, зуагиры немного отаяли. Старший спросил у Конана:

- Так тебя ждут?

- Иначе я бы не пришел. Разве ягненок по собственной воле пойдет в пасть ко льву?

- Хорош ягненок! - зуагир хмыкнул. - Скорее уж матерый волчище с кровью на клыках.

- Если где-то недавно пролилась кровь, так в том повинны дураки, которые плохо слушают своего хозяина. Этой ночью в ущелье Призраков...

- Клянусь Хануман! Уж не с тобой ли схватились тупоголовые

шабатийцы? Они всем раструбили, будто прикончили в ущелье заезжего купца со слугами.

Так вот почему охрана вела себя так беспечно! Как видно, по каким-то своим соображениям шабатийцы соврали насчет действительного исхода драки, и потому стражи тропы не ждали преследователей.

- Кто-нибудь из вас был там? - спросил Конан.

- Мы разве хромаем? Или в крови? Или воем от бессилия и боли? Нет, мы с Конаном не сражались.

- Тогда напрягите мозги и не повторяйте чужих ошибок. Итак: или вы проведете меня к тому, кто ждет не дождется нашей встречи, или швырнете ему в бороду навозом, объявив, что пренебрегли его распоряжением!

- Да сохранят нас боги! - воскликнул в страхе зуагир. - Мы не получали насчет тебя никаких указаний, и, если ты соврал, наш хозяин сам выберет для тебя смерть по-мучительнее, а если нет... тогда, может быть, нам удастся избежать наказания. Сдай оружие и идем.

Конан протянул меч и кинжал. При других обстоятельствах он скорее расстался бы с жизнью, чем с оружием, но сейчас игра шла по-крупному. Пинком в зад начальник стражи расправил согнувшегося молодого воина и приказал тому наблюдать за лестницей, добавив, что от его усердия зависит, встретит ли тот свою старость. Затем прорычал приказание другим, и пятеро стражников взяли в кольцо безоружного киммерийца.

Конан кожей чувствовал, как у стоящего сзади руки чешутся от желания вонзить в его спину нож, но от слов варвара в их толстых черепах зашевелились сомнения, и потому он оставался спокоен.

По знаку начальника отряд выступил в путь.

От лестницы к городу вела широкая дорога. Через некоторое время Конан как бы между прочим спросил:

- Когда шабатийцы прошли в город - не на рассвете?

- Ага, - был краткий ответ.

- Тогда они вряд ли опередили нас намного, - словно рассуждая вслух, продолжал Конан. - Несколько раненых, да еще пленница...

- Ну, что до девчонки, так она... - начал было один, но осекся, получив тычок в зубы. Высокий бросил на Конана недобрый взгляд.

- Ни слова больше! - приказал начальник. - Будет задевать - не отвечайте. Змея не так изворотлива, как этот. Стоит только поддаться - и он вытянет из вас все, прежде чем вступим в Джанайдар!

Конан отметил про себя, что название города совпадает с тем, о котором упоминалось в древней легенде, услышанной от Балаша.

- Чего вы все коситесь? - разыгрывая обиду, спросил он. - Разве я

пришел к вам не с открытой душой?

- Ну да! - Зуагир невесело усмехнулся. - Я видел, как ты явился однажды в Хорасан, что в Гиркании, и тоже с открытой душой. Только, когда тамошние власти погладили тебя против шерсти, ты мигом запер свою душу на огромный замок, и по улицам города забурлили потоки крови. Нет уж. Я давно тебя знаю - еще со временем, когда ты водил своих бандитов по степям Турана. По части мозгов мне тебя не переплюнуть, но по крайней мере я могу держать язык за зубами. Я на твою удочку не попадусь, а если кто из моих людей раскроет рот, то я раскрою тому череп.

- Сдается мне, я тебя знаю, - сказал Конан. - Ты Антар, сын Ади. Помнится, ты проявил себя отважным воином.

От похвалы лицо зуагира смягчилось, но тут же он опомнился, сдвинул брови и, обругав первого подвернувшегося под руку, решительно зашагал впереди отряда.

Конан вышагивал с таким видом, будто его сопровождал почетный эскорт, а не стража, и мало-помалу его беспечность передавалась воинам, так что, когда отряд подошел к городу, их копья уже не смотрели в спину пленника, а мирно покоялись на смуглых плечах.

С ближнего расстояния загадка пышной растительности объяснялась довольно просто. Земля, принесенная трудолюбивыми руками из долин, расположенных за десятки миль от плато, заполнила углубления и впадины в скальной поверхности. Сады пронизывали глубокие, узкие канавки тщательно продуманной оросительной системы. Все они брали начало у естественного источника где-то в центре города. Благодаря кольцу высоких пиков климат на плато был гораздо мягче, чем в окружавших его горах.

Отряд прошел между большими фруктовыми садами, росшими по обеим сторонам дороги, и наконец вступил на главную улицу города - два ряда каменных домов, вставших по краям широкой мостовой, с непременной зеленью на задних двориках. Другим концом улица выходила к равнине шириной в полмили, отделявшей город от нависшей над ним черной горы, такой огромной, что само плато походило скорее на уступ, выдолбленный в гигантском склоне, чем на отдельное горное образование.

Люди, работавшие в садах и на улице, с удивлением взирали на зуагиров и их пленника. Среди них Конан узнал иранистанцев, гирканцев, шемитов и даже нескольких вендийцев и чернокожих кушитов. Но ильбарских горцев не было ни одного: очевидно, население города не поддерживало с ними связи. Внезапно улица расширилась, образовав небольшую площадь. С южной стороны на нее выходила высокая стена, возведенная вокруг роскошного здания с величественным куполом.

Тяжелые ворота, инкрустированные золотом и обшитые бронзовыми полосами, никем не охранялись, если не считать чернокожего, облаченного в пестрые одеяния. Открыв ворота, тот согнулся в почтительном поклоне. В сопровождении стражи Конан прошел под аркой и очутился в обширном, вымощенном мраморными плитами дворе. В центре его журчал фонтан, в воздухе порхали голуби. С запада и с востока двор ограничивали внутренние стены пониже, над которыми виднелась зелень садов. В глаза варвару бросилась взметнувшаяся вверх черная башня высотой не меньше купола, ее каменное кружево слабо мерцало на солнце.

Зуагиры прошли через двор, и были остановлены у дворцового портика стражей из тридцати гирканцев - все в сверкающих посеребренных шлемах, увенчанных плюмажем, в позолоченных латах, со щитами из шкуры носорога и ятаганами с золотой насечкой. Начальник стражи с непроницаемым лицом перебросился парой отрывистых фраз с Антаром, сыном Ади. По холодному тону Конан понял, что между обоими тлеет скрытая вражда.

Затем начальник, имя которого, как выяснилось, было Захак, сделал знак своей тонкой изящной рукой, и Конана обступила дюжина ослепительных гирканцев. Под их конвоем он поднялся по широким каменным ступеням и прошел под аркой между распахнутыми створками дверей. Зуагиры, как побитые собаки, плелись в хвосте отряда.

Они проходили широкими, тускло освещенными залами, где со сводчатых лепных потолков свисали бронзовые курильницы, а задернутые тяжелыми бархатными гардинами ниши намекали на некие страшные тайны. Казалось, в этих мрачных, отделанных с варварской пышностью залах затаилась необъяснимая, едва осязаемая угроза.

Наконец они вступили в широкий коридор, прошли его и остановились у двустворчатой бронзовой двери с двумя охранниками по сторонам. Оба стояли неподвижно, как статуи, и были разодеты еще пышнее, чем стража Конана. Гирканцы вместе со своим пленником - или гостем - прошли мимо них и оказались в полуокруглой комнате. Гobelены с изображениями драконов увешивали стены, скрывая возможные дверные проемы. Со сводчатого потолка свисали лампы, украшенные резьбой по эбеновому дереву и золотой насечкой.

Напротив главного входа помещалось мраморное возвышение. На нем стояло массивное, покрытое изящной резьбой кресло с балдахином. Подлокотники, точно свитки папируса, завивались вниз. На вышитых бархатных подушках сидел небольшого роста человек хрупкого сложения, облаченный в расшитую жемчугом мантию. На розовом тюрбане

поблескивала золотая брошь в форме руки, сжимавшей кинжал с волнистым лезвием. Худое и вытянутое, с легким загаром лицо оканчивалось внизу черной заостренной бородкой. "Не иначе как выходец с Востока - из Вендии или из Козалы", - решил про себя Конан. Темные глаза незнакомца пристально вглядывались в полированный кристалл на подставке перед троном. Размером не меньше кулака киммерийца, кристалл имел неправильную сферическую форму. От него исходил свет слишком яркий для полумрака тронного зала - словно в глубинах кристалла горел магический огонь.

Трон охраняли огромного роста кущиты - по одному с каждой стороны. Оба казались изваяниями, высеченными из черного базальта, - обнаженные, в одних сандалиях и шелковых набедренных повязках. В руках они держали кривые сабли с расширенными у острия клинками.

- Кто это? - нехотя произнес на гирканском языке человек под балдахином.

- Конан-киммериец, мой повелитель! - торжественно ответил Захак.

Темные глаза оживились, и тут же в них промелькнула подозрительность.

- Как он проник в Джанайдар!

- Он заявил зуагирским писам, охранявшим Лестницу, что исполнял поручение Магистра, повелителя сынов Джезма.

Услышав титул, Конан весь напрягся, точно пантера, его глаза не мигая смотрели прямо в худое лицо. Но он не проронил ни звука. Он знал, что молчание порой имеет больший вес, чем дерзкая речь. Сейчас его дальнейшее поведение целиком зависело от того, что скажет магистр Невидимых. Если в нем разгадают самозванца, его участь решена. Осталось надеяться, что этот правитель, прежде чем отдать роковой приказ, захочет, по крайней мере, узнать причину появления непрошшеного гостя, а кроме того, есть правители - таких, правда, немного, - которые полностью доверяют своим сподвижникам.

Прошла томительная минута, прежде чем человек на троне вновь заговорил.

- Закон Джанайдара гласит: по Лестнице имеет право подняться только тот, кто прежде сделал Знак стражам Лестницы. Если же Знак ему не известен, следует вызвать охрану Ворот, чтобы те вступили в переговоры. В этом случае пришелец обязан дожидаться внизу. Конан явился незваным. Охрану Ворот не вызвали. Значит, прежде чем подняться, Конан сделал Знак?

По спине Антара пробежал потный ручеек. Он бросил быстрый взгляд

на киммерийца и заговорил хриплым, с еле заметной дрожью голосом:

- Стража в расселине не подняла тревоги. Конан появился над краем плато совершенно неожиданно, хотя мы были бдительны, как орлы. Я слышал, он колдун и может, если захочет, становиться невидимым. Мы поверили его словам, будто это ты послал за ним, иначе откуда он узнал секретный путь?

Капельки влаги усеяли узкий лоб зуагира. Человек на троне будто ничего не слышал. Размахнувшись, Захак с силой ударил Антара ладонью по губам.

- Пес! - процедил он сквозь зубы. - Не смей разевать свою смердящую пасть, пока магистр сам не соблаговолит тебя выслушать!

Антар пошатнулся, по его бороде побежала кровь. Он метнул на гирканца взгляд, полный смертельной ненависти, но сдержался и промолчал.

Сделав вялый жест рукой, магистр заговорил:

- Зуагиров увести. До особых распоряжений содержать под стражей. Ждем мы посланцев или нет - стража не вправе преступать закон. Знак неизвестен, и все-таки он поднялся по Лестнице. Если бы они несли службу исправно, как говорят, этого не случилось бы. Варвар не колдун. Оставьте нас наедине. Я сам поговорю с ним.

Захак кивнул, и его ослепительные воины, гоня зуагиров, точно стадо, перед собой, направились к бронзовой двери. Проходя мимо, зуагиры обдавали Конана горящими ненавистью глазами.

Перейдя на язык Иранистана, магистр обратился к киммерийцу:

- Говори свободно. Черные этого языка не знают.

Прежде чем ответить, Конан пинком пододвинул к возвышению кушетку и, расположившись на ней поудобнее, положил ноги на обшитую бархатом скамеечку. Если магистр и удивился бесцеремонности гостя, он никак не проявил этого. С первых же слов киммериец понял, что правитель Джанайдара тесно связан с единоверцами в западных землях и, очевидно преследуя свои цели, предпочитает не замечать развязности их посланца.

- Я за тобой не посыпал, - наконец прервал молчание магистр..

- Ну, разумеется, - свободно ответил Конан. - Однако надо же было сказать что-нибудь этим дурням - иначе пришлось бы их всех перерезать.

- Что тебе здесь нужно?

- А что нужно тому, кто добровольно заявляется в логово людей, объявленных вне закона?

- Он может оказаться лазутчиком.

У Конана вырвался грубый смешок:

- Чым это, интересно знать?

Недолгое молчание.

- Как ты узнал про Секретный Путь?

- Я наблюдаю за грифами - они и выводят меня на цель.

- Еще бы. Ты их нередко подкармливаешь человечинкой. Что с кхитайцем, который наблюдал за расселиной?

- Мертв. Он не захотел прислушаться к голосу разума.

- Пожалуй, это не ты следишь за грифами, а они за тобой - всегда есть пожива, - с легкой улыбкой заметил магистр. - Почему не дал знать, что прибудешь?

- Не с кем было передать известие. Прошлой ночью твои бандиты напали на мой отряд: одного прирезали, другую взяли в плен. Оставался последний, но тот перепугался и удрал, так что, когда взошла луна, мне пришлось продолжать путь одному.

- То были шабатийцы. Они исполняли свой долг - охраняли от чужаков ущелье Призраков. Они не знали, что ты идешь ко мне. Они притащились в город на рассвете: большинство раненые, один - при смерти. По их словам, этой ночью они убили в ущелье богатого купца-вендинца. Похоже, побоялись признаться, что так и не одолели тебя. Они дорого заплатят за ложь... но не сейчас. Главного я так и не услышал: зачем ты сюда явился?

- За спасением. Мы с царем Иранистана не сошлись характерами.

Магистр пожал плечами.

- Я знаю. Вряд ли Кобад-шаху придет охота снова брать тебя на службу. Наш посланец Смерти едва не убил его. В любом случае отправленный за тобой отряд идет по следу.

От этих слов в затылке Конана неприятно закололо, как с ним бывало всегда при соприкосновении с чем-то таинственным и страшным.

- Великий Кром! - выдохнул он. - От тебя не скроешься!

Магистр едва заметно кивнул на кристалл:

- Игрушка, но весьма полезная. Но продолжим. До сегодняшнего дня чужие о нас не знали. Выходит, если ты нашел дорогу в Джанайдар, тебе рассказал о ней кто-то из нашего братства. Может быть, Тигр?

Однако Конан вовремя почувствовал западню.

- Я не знаю никакого Тигра, - ответил он. - Я не жду, пока мне откроют чужие тайны, - я узнаю их сам. Я пришел сюда, потому что вынужден скрываться. В Аншане мне уже не благоволят, и, если поймают, туранцы с радостью посадят меня на кол.

Магистр сказал несколько слов на стигийском. Понимая, что тот не станет без нужды менять язык беседы, Конан притворился, будто не знает

этого наречия.

Магистр обратился к одному из черных воинов. Тот достал из-за пояса серебряный молоток и ударил в гонг. Не успели замереть последние отголоски, как, приоткравшись, бронзовая дверь пропустила человека слабого сложения в шелковой одежде - судя по бритой голове, это был стигиец. Войдя, он прежде всего почтительно склонил голову перед мраморным возвышением. При обращении магистр назвал его Хазан и говорил с ним на том же языке, который, как он полагал, Конану был незнаком.

- Ты знаешь его? - спросил магистр.

- Да, мой господин.

- Есть о нем что-нибудь в донесении наших лазутчиков?

- Да, мой господин. В последнем донесении из Аншана. В ночь покушения на царя, примерно за час до того, этот человек имел с ним тайную беседу. После беседы он быстро вышел из дворца и в ту же ночь, вместе с тремя сотнями всадников, покинул город. В последний раз его видели на дороге в Кушаф. Его преследовали воины из Аншана, но, отказались они от погони или продолжают ее, пока не известно.

- Можешь идти.

Хазан поклонился и вышел. Некоторое время магистр - сидел молча, с отрешенным взглядом. Затем, подняв голову, сказал:

- Хорошо. Я верю тебе. Из Аншана ты направился в Кушаф, где друзей царя не жалуют. Твоя вражда с турецкими мне известна. Нам нужен такой человек. Но без поручительства Тигра я не могу принять тебя в братство. Сейчас его нет в Джанайдаре, но он прибудет завтра на рассвете. А пока я хотел бы услышать, от кого ты узнал о нашем городе и братстве.

Конан пожал плечами.

- Все тайны мне нашептывает ветер, когда проносится среди ветвей сухого тамариска, а еще я вслушиваюсь в небывальщину, которую передают друг другу погонщики верблюдов, усевшись вокруг огня на отдых в караван-сарае.

- Тогда ты должен знать, к чему мы стремимся, нашу великую цель?

- Я знаю, как вы себя величаете, - стараясь выведать побольше, Конан намеренно придал голосу оттенок двусмысленности.

- Тогда что означает мой титул?

- Магистр, повелитель сынов Джезма - верховный чародей джезмитов.

В Турции говорят, что джезмиты - народ живший по берегам моря Вилайет во времена до Великого потрясения, что они совершали странные обряды с примесью колдовства и приносили человеческие жертвы, которые потом

сами съедали. Но потом вроде бы пришли гирканцы и уничтожили остатки их племен.

- Ах вот как. - Магистр усмехнулся. - Все верно, да только их потомки до наших дней обитают в горах Шема.

- Я подозревал нечто подобное, - ответил Конан. - О них ходят немало слухов, но прежде я считал все это пустой болтовней.

- Да, люди слагают о них легенды, и отчасти они правы. Но жестокие гонения не смогли загасить огонь Джезма, хотя за столетия его яркое пламя обратилось в тлеющие угольки. Из всех обществ братство Невидимых - самое древнее. Оно не разделяет людей ни по расам, ни по культурам. Не столь уж важно, какому богу люди поклоняются - Митре, Иштар или Асуре. В далеком прошлом мы имели сторонников по всей земле - от Грондара до Вализии. В братство Невидимых вступали и продолжают вступать многие тысячи, всех стран и народов. Но только один народ поклонялся Джезму с незапамятных времен - из него мы и набираем жрецов.

После Великого потрясения культ возродился. В Стигии, Косте, Ахероне и Заморе появились наши секты. Окутанные тайной, они скрывались от людей, так что те зачастую и не подозревали об их существовании. Но за тысячелетия связи между сектами сильно ослабли, и, предоставленные сами себе, они потеряли былое могущество.

Были дни, когда Невидимые направляли ход развития целых империй. Они не командовали армиями - их оружием был яд, пламя и кинжал с лезвием, как огненный язык. По воле Магистра сынов Джезма одетые в алое посланцы Смерти отправлялись во все концы света - и умирали цари в Луксуре, в Пуантене, в Кутшеме и в Дагоне. А я - наследник великого Магистра сынов Джезма Тутамона. Того, чье имя заставляло трепетать сердца повсюду! - Глаза говорившего сверкнули в полумраке фанатичным огнем. - Всю свою молодость я мечтал о возрождении величия братства, в тайну которого был посвящен еще ребенком. И вот, благодаря золоту моих приисков мечта осуществилась. Я, Вирата из Козалы, стал Магистром сынов Джезма - первым Великим магистром за последние пять веков!

Убеждения Невидимых тверже гранита. Одну за другой я прибирал к рукам разрозненные секты зугитов, джилитов, эрликитов и джезудитов, кропотливо сплетая из тонких нитей стальной канат. Мои посланники проникали в самые отдаленные уголки земли и везде находили приверженцев братства - в битком набитых городах и в дремучих лесах, в бесплодных горах и в мертвом молчании пустынь. Не сразу, постепенно, община росла, и не только благодаря объединению сподвижников, но и за

счет тех отчаявшихся, кто, разуверившись в других учениях, вступал в ряды сынов Джезма. Перед его священным огнем все равны. Среди моих сторонников есть почитатели Гуллы и Сета, Митры и Деркето, Иштар и Юна.

Десять лет назад вместе со своими сподвижниками я пришел в этот город: вместо домов - груды камней, каналы забиты камнями, на месте садов - колючие заросли. Горцы обходили плато стороной - они боялись потусторонних сил, которые, по их словам, обитали в городских руинах. Понадобилось шесть лет, чтобы отстроить город заново. Это был нелегкий труд, и на него ушла большая часть моих сокровищ - ведь работать приходилось втайне, и все материалы завозили издалека, что было нелегким, а подчас и опасным делом. Грузы доставляли из Иранистана: сначала по старому караванному пути на юге страны, в горах сворачивали в скрытую расселину и, наконец, по древней тропе, прорезавшей западный склон, поднимали на плато. Затем по моему приказу тропу уничтожили. И вот, после долгих лет, я смог увидеть Джанайдар в его былом великолепии... Смотри!

Магистр поднялся с трона и кивнул, приглашая следовать за собой, черные гиганты не отставали от него ни на шаг. Они прошли в альков, скрытый за тяжелыми gobelenom, и очутились перед выходом на небольшой, в узорной решетке балкон. С балкона открывался вид на чудесный сад, обнесенный стеной высотой футов пятнадцать, почти невидимой за сплетением ползучих растений. Необычный, пьянящий аромат поднимался от деревьев, кустов, цветов и фонтанов с серебряными журчащими струями. Конан увидел женщин, гуляющих меж деревьев, - легкие, полупрозрачные одежды из шелка и бархата едва скрывали наготу их стройных гибких тел. Судя по тонким чертам, большей частью они были из Вендии, Иранистана и Шема. Мужчины, словно опьяненные наркотиком, лежали на подушках под деревьями. Откуда-то доносилась негромкая, томная музыка.

- Это Райский сад, каким он был еще во времена до Потрясения. Вирата, закрыв балконную дверь, вернулся в тронный зал. - За преданную службу воину дают выпить сока красного лотоса. Проснувшись в этом саду и увидев подле себя прекраснейших в мире женщин - покорных, готовых утолить его желания, - он начинает думать, что и в самом деле угодил живым на Небеса, куда, как внушают жрецы, попадают все, кто отдал жизнь за своего повелителя. - Козаланец чуть растянул губы в усмешке. - Я знаю, что такой "рай" тебе пришелся бы не по вкусу, потому и показал его. Немного правды тебе не повредит. Если Тигр за тебя не поручится, правда

умрет вместе с тобой, в противном случае ты узнаешь не больше, чем любой сын Великой Горы.

В моей империи ты можешь подняться высоко. Дай время - и я стану могущественным, как мой великий предок. Шесть лет я копил силы и лишь потом начал борьбу. Последние четыре года, как и в далеком прошлом, мои посланники вновь обращаются к отправленным кинжалам; непобедимые и неподкупные, не знающие иного закона, кроме моей воли, они скорее умрут, но выполнят приказ.

- Чего же ты добиваешься?

- Неужели еще не понял? - голос магистра упал до шепота, глаза расширились, в них засветились огоньки безумия.

- Пожалуй, - проворчал Конан. - Но предпочел бы услышать от тебя самого.

- Я хочу править миром! Отсюда, из Джанайдара, я буду вершить его судьбу! Цари на своих тронах превратятся в жалких марионеток, подвешенных на ниточках. Ослушники умрут. И наступит день, когда никто не осмелится пойти против моей воли. Мне будет принадлежать власть! Власть! Это высшая цель!

Конан мысленно сравнил хвастилые притязания магистра на абсолютную власть с положением в братстве таинственного Тигра, с мнением которого тот вынужден был считаться. Похоже, влияние магистра было далеко не безгранично.

- Где девушка - Нанайя? - спросил Конан. - Твои шабатийцы, убив Гаттуса, схватили ее и увезли с собой.

Вирата чуть переиграл, изображая удивление.

- Не понимаю, о ком ты, - ответил он. - Они не приводили пленников.

Магистр, конечно же, солгал, но настаивать было бессмысленно. Конан насторожился: непонятно, почему джезмит не хочет признать, что знает о девушке?

Магистр вторично сделал знак, негр вновь ударил в гонг, и вновь вошел согнувшись в поклоне Хазан.

- Хазан проводит тебя, - сказал Вирата. - Туда же, в комнату, принесут еду и питье. Ты не арестован - стражи не будет. Но я просил бы тебя не покидать своих покоев без охраны. Мои люди относятся к чужакам с недоверием, а поскольку ты пока не состоишь в братстве, то... - Магистр вдруг замолчал и многозначительно посмотрел на киммерийца.

4. ЗВОН МЕЧЕЙ

Вслед за невозмутимым стигийцем Конан покинул тронный зал, прошел между двумя рядами сверкающих золотом и серебром стражников и

из широкого парадного коридора свернул в боковой, поуже. Вскоре слуга ввел его в комнату со сводчатым потолком в украшениях из слоновой кости и сандалового дерева. Единственная тяжелая дверь была сколочена из тиковых досок, обшитых листами меди. Окон в комнате не было, свет и воздух проникали в нее через отверстия в потолке. На стенах во множестве висели гобелены с замысловатыми рисунками, шаги скрадывали богатые ковры, в которых нога утопала по щиколотку.

Не издав ни звука, Хазан поклонился и закрыл за собой дверь.

Оставшись один, Конан сел на бархатную кушетку. За всю свою жизнь, до предела насыщенную самыми невероятными и опасными приключениями, он не попадал в ситуацию более сложную, чем эта. Поразмыслив с минуту над возможной участью Нанайи, он принялся обдумывать план действий.

Из коридора послышался легкий стук сандаловых подошв. В сопровождении Хазана вошел огромный негр, в руках он держал широкий поднос с яствами в позолоченных блюдах и с изящным кувшином вина в центре. Прежде чем Хазан закрыл дверь, Конан успел заметить острие шлема, высунувшееся из-за ковра на противоположной стене коридора: в потайной нише прятались воины. Значит, Вирата солгал, сказав, что стражи не будет. Впрочем, иного он от магистра и не ждал.

- Господин, вот вино с Кироса и пища, - сказал стигиец. - А позже я пришлю девушку, прекрасную и свежую, как утро, чтобы вы могли с нею развлечься.

- Ладно, - проворчал Конан.

Послушный жесту Хазана, раб поставил поднос. Тот сам отведал каждого блюда, отхлебнул глоток вина и только потом с поклоном удалился. Обостренным, как у волка в западне, зрением Конан отметил, что последним из принесенного стигиец попробовал вино, а в дверях чуть качнулся. Едва закрылась дверь, Конан осторожно понюхал вино. На фоне благоухающего букета, такой слабый, что уловить его могли лишь чуткие ноздри варвара, угадывался знакомый запах - запах красного лотоса из зловещих топей южной Стигии. Отведавший его сока засыпал мертвым сном, надолго или нет зависело от количества выпитого.

Хазану следовало чуть поторопиться. А что, если Вирата задумал и его, Конана, пропустить через свой Райский сад?

Тщательно исследовав пищу, киммериец убедился, что в нее ничего не подмешано. Тогда он с аппетитом приступил к еде.

Быстро покончив с немногочисленными яствами, он воззрился голодными глазами на поднос, словно в надежде отыскать на нем хотя бы

еще кусочек. Вдруг дверь снова приоткрылась, и в комнату скользнула гибкая фигурка девушки с золотым амулетом на груди, с поясом в драгоценных каменьях; стянувшим тонкую талию, и в полупрозрачных шелковых шароварах.

- Ты кто? - рыкнул на нее Конан.

Девушка подалась назад, смуглая кожа на ее лице чуть побледнела.

- Не бей меня, господин! Я не сделала ничего дурного! - От страха и волнения темные зрачки округлились, речь прервалась, пальцы задрожали, как у ребенка.

- Да я и не думал - просто спросил, кто ты такая.

- Я... меня зовут Парисита.

- Как ты сюда попала?

- Меня похитили Невидимые, мой господин. Однажды ночью, когда я гуляла в саду моего отца в Айдохья. Тайными тропами они привели меня в свой ненавистный город демонов, где я, как многие другие девушки Вендии, Иранистана и других стран, стала рабыней. - Она говорила быстро и шепотом, точно боясь, что ее прервут или подслушают. - Я зд-десь уже несколько месяцев. Однажды меня высекли - я думала, что помру от стыда! А еще я здесь видела, как девушки умирали под пытками! О, какой позор для моего отца: вдруг он узнает, что его дочь - игрушка в лапах демонопоклонников!

Конан смолчал, но его горящий взгляд был достаточно красноречив. Пусть его собственная судьба замешана на крови, пусть ему не однажды приходилось убивать и грабить, но в отношениях с женщинами он неизменно следовал своему грубоватому кодексу чести варвара. До этой минуты он еще сомневался, вступать ли ему в братство Вираты, чтобы потом, укрепив положение, так или иначе устраниТЬ всех, занимавших в нем высшие посты. Но сейчас главная цель определилась: надо во что бы то ни стало раздавить этот змеиный клубок и обратить их логово себе на пользу... Между тем Парисита продолжала:

- Начальник над девушками получил задание отобрать кого-нибудь для тебя, но главное - надо было узнать, не спрятал ли ты на теле оружия. Чтобы обыскивать без помех, подмешали в вино зелья. А после, когда очнешься, усыпив лаской бдительность, я должна была выведать лазутчик ты или на самом деле тот, за кого себя выдаешь. Указали на меня. Я и так отчаянно трусила, а когда увидела, что ты не спишь, то чуть было вовсе не померла со страха... Скажи, ты ведь не убьешь меня?

Конан усмехнулся. Он не тронул бы и волоса на ее голове, но предпочел пока не говорить об этом. Страх девушки еще может сослужить

ему добрую службу.

- Парисита, - обратился он к ней, - ты знаешь что-нибудь о женщине, которую накануне привела с собой банда шабатийцев?

- Да, господин. Они привели с собой пленницу и, скорее всего, хотели поступить с нею так же, как в свое время поступили со всеми нами - сделать ее наложницей. Но та оказалась с характером. Уже в городе, после того как ее передали страже гирканцев, она вдруг вырвалась и, выхватив кинжал, всадила его в грудь брата Захака. Теперь Захак требует ее смерти, и, думаю, ради какой-то пленницы Вирата не захочет портить отношения с гирканцами.

- Так вот почему магистр солгал мне насчет Нанайи, - прошептал Конан.

- Да, господин. Сейчас Нанайя в дворцовом подземелье, а завтра на рассвете ее подвергнут пыткам и казнят.

Смуглое лицо Конана приняло зловещее выражение.

- Сегодня, ближе к полуночи, ты проведешь меня в спальню Захака. Его полыхающие, с прищуром, глаза выдавали дальнейший план.

Девушка покачала головой:

- Ничего не выйдет. Он спит вместе со своими степными псами, с головой преданными своему вожаку. Их слишком много даже для такого сильного воина, как ты. Но я могу провести тебя к Нанайе.

- А как насчет стражника в коридоре?

- Мы выберемся незаметно, а до тех пор, пока я не выйду из комнаты у него на глазах, он сюда никого не впустит..

- Ну что же... - Варвар поднялся с кушетки и потянулся - совсем как тигр перед охотой.

Парисита замялась.

- Господин... если я правильно тебя поняла... ты ведь не думаешь служить демонопоклонникам, ты хочешь их уничтожить?

Колчан осклабился в волчьей усмешке.

- Сказать по правде, с моими недругами частенько случаются всякие неприятности.

- А ты... не причинишь мне зла? Или даже... поможешь выбраться отсюда?

- Если смогу. А сейчас - довольно болтать. Вперед.

Парисита откинула гобелен, висевший напротив двери, и нажала на фрагмент причудливого орнамента. Часть стены бесшумно ушла внутрь, и их глазам открылась узкая лестница, ждущая вниз, во мрак.

- Господа почему-то считают, что рабы не могут знать их секретов, - с

легкой улыбкой сказала девушка. - Идем.

Как только они вступили на лестницу, плита вернулась на прежнее место. Конан очутился в кромешной тьме, лишь дырочки в плите давали слабый свет. Они спускались, пока, по расчетам Конана, не оказались значительно ниже дворца, и дальше зашагали по узкому ровному ходу, убегающему вдаль от подножия лестницы.

- Этот ход показал мне один шатриец, решившийся бежать из Джанайдара, - сказала девушка. - Я хотела бежать вместе с ним. Мы прятали здесь оружие и запасы еды. Но наши планы раскрыли. Шатрийца схватили и подвергли изуверским пыткам, но он умер, так и не выдав меня... Здесь должен быть меч, который он припрятал. - Она пошарила в нише и, достав клинок, протянула его киммерийцу.

Они прошли еще несколько ярдов и остановились у двери, обшитой железом. Приложив палец к губам, Парисита указала на крошечные отверстия, служившие для тайного наблюдения. Заглянув в одно, Конан увидел широкий коридор: в монолитной стене была одна-единственная дверь из брусьев черного эбенового дерева, скрепленных для надежности стальными полосами; правая стена прерывалась через равные промежутки большими, в рост человека, решетками, за которыми находились вырубленные в скале ниши камеры для узников. Дальний конец коридора отстоял ярдов на сто и тоже был перегорожен крепкой дверью. Бронзовые лампы под потолком отбрасывали слабый свет.

Перед одной из камер с ятаганом в руке застыл ослепительный гирканец в великолепных латах и в шлеме с перьями. Кончиками пальцев Парисита коснулась руки Конана.

- Нанайя в той камере, - прошептала она. - Ты справишься? Учи, этот гирканец - сильный воин.

Варвар с мрачной усмешкой взмахнул мечом - длинный клинок вендийской стали, легкий и вместе с тем очень прочный. Конан не стал распространяться, что в совершенстве владеет прямым клинком воинов запада и с не меньшим мастерством - кривым клинком востока, что в бою ильбарский кинжал с двойным изгибом и широкий меч шемитов словно врастает ему в руку... Не теряя времени, Конан открыл дверь.

Киммериец рванулся вперед, клинки встретились. Миг - и лезвия замелькали с такой яростью, что от их пляски зажглась бы кровь и у дряхлого старца, не говоря уже о двух молодых женщинах - невольных свидетельницах поединка. Тишину нарушило лишь шарканье и шлепанье босых ног, звон и скрежет стали да хриплое дыхание воинов. Длинные смертоносные лезвия сверкали в призрачном свете как живые, словно вдруг

стали частью живой плоти людей.

Но вот чаша весов дрогнула. Лицо гирканца исказило предчувствие смерти, и в последнем отчаянном усилии он попытался утянуть за собой в небытие и своего врага. Меч взмыл над его головой, но вспыхнула сталь - и клинок Конана легко, точно лаская, прошелся по шее стражника. Не проронив ни звука, гирканец рухнул на пол - из перерезанного горла била кровь.

Секунду Конан стоял над распростертым телом, на острие меча стыла темно-красная полоса. Разорванная одежда открывала легко вздымавшуюся мощную грудь. И только потный ручеек на лбу выдавал еще не схлынувшее напряжение. Наклонившись, Конан сорвал с пояса стражника связку ключей. Послышался скрежет стали в замке, и Нанайя будто очнулась от чар.

- Конан! - воскликнула она. - Ты все-таки пришел! А я уж потеряла всякую надежду! Но что за бой! Жаль, я не могла добавить ему еще и от себя! - Быстро подойдя к трупу, девушка выдернула из коченеющих пальцев меч. - Что дальше?

- Если станем выбираться отсюда до темноты, наверняка пропадем, ответил Конан. - Нанайя, когда должен прийти стражник на смену этому?

- Они сменяются каждые четыре часа. Этот заступил совсем недавно.

Варвар повернулся к Парисите:

- Какое сейчас время суток? Я не видел солнца с раннего утра.

- Давно за полдень. Заход часа через четыре.

Выходит, он пробыл в Джанайдаре гораздо дольше, чем ему казалось.

- Выбираясь будем, когда стемнеет. Сейчас вернемся в комнату. Нанайя, ты останешься на потайной лестнице, а Парисита выйдет через дверь и вернется в покой к невольницам.

- Но когда придут сменять этого, - чуть заметный кивок на распростертое тело, - то сразу обнаружат, что я сбежала. Думаю, будет лучше оставить меня здесь, пока не наступит подходящее время.

- Я не могу так рисковать. Что, если мне помешают спуститься за тобой? Когда побег откроется, то наверняка во дворце подымется суматоха, а это нам на руку. А сейчас давайте-ка спрячем труп.

Он бросил взгляд на черную дверь, но Парисита, вдруг став бледнее полотна, воскликнула:

- О господин, только не туда! Не открывайте ее! За этой дверью Смерть!

- Что ты несешь? Говори толком, что там?

- Не знаю. Туда швыряют тела казненных, а еще тех несчастных, кого

не замучили до смерти. Что с ними там происходит, я не знаю, но я слышала их вопли - вопли ужаса, страшнее, чем под пытками. Девушки шептались, что за этой дверью живет демон-людоед.

- Похоже на правду, - сказала Нанайя. - Несколько часов назад здесь побывал раб со страшной ношей. Он отпер дверь и выбросил ее наружу, но, судя по росту, тело не могло принадлежать ни мужчине, ни женщине.

- Значит, это был ребенок, - непослушными губами прошептала Парисита и вздрогнула, точно в ознобе.

- Ладно вам, - проворчал варвар. - Сделаем так: переоденем стражника в одежду Нанайи, втащим в камеру и уложим лицом к стене. Ты девушка рослая, и замену обнаружат не сразу. Может быть, сменщик примет его за тебя и решит, что ты спишь или вообще со страху померла - это неважно. В любом случае он первым делом кинется разыскивать товарища, и чем дольше они провозятся, тем больше у нас будет времени на то, чтобы отсюда выбраться.

Не колеблясь ни секунды, Нанайя сбросила куртку, стянула через голову рубашку и быстрым движением выскользнула из коротких штанов, Конан тем временем раздевал гирканца. Зардевшись, Парисита издала тихий возглас изумления.

- Что такое? - буркнул Конан. - Ты что, никогда не видела голых? Помолчала бы лучше, чем без дела разевать рот.

Через минуту Нанайя была уже в одежде гирканца - натянула на себя все, кроме шлема и доспехов. Пока девушка без особого успеха пыталась соскрести ногтями кровавое пятно с плеча накидки, Конан втащил мертвеца в камеру и уложил его у дальней стены, отворотив лицо так, чтобы скрыть усы и клок бороды. Затем, натянув рубашку Нанайи ему на шею, прикрыл ею страшную рану. Закончив с трупом, киммериец закрыл камеру на замок и протянул ключи Нанайе:

- Кровь с пола нам не стереть. У меня пока нет плана, как выбраться из города. Если ничего не выйдет, я просто убью Вирату, а дальше - да свершится воля Крома! Если же выберетесь без меня, уходите той же тропой, какой сюда попали, и, затаившись где-нибудь, дождитесь воинов из Кушафа; Тубала я послал на рассвете, к сумеркам он должен добраться до Кушафа, значит, козаки будут в каньоне у плато завтра утром.

Они вернулись к потайной двери, - закрытая, та полностью сливалась со стеной. Пройдя узким коридором, все трое поднялись по лестнице.

- До времени останешься здесь, - сказал Конан Нанайе. - Сиди тихо и не высовывайся - все равно не поможешь. Если со мной что случится, попробуй дождаться Париситу и уходите вдвоем.

- Как скажешь, Конан. - Скрестив ноги, Нанайя уселась на верхнюю ступеньку.

Парисита и Конан вошли в комнату. Чтобы как-то приободрить девушку, киммериец легонько сжал ей запястье.

- Сейчас уходи: если еще задержишься, то могут почутять неладное. Постарайся вернуться сразу, как совсем стемнеет. Страже скажешь, что, мол, так велел магистр. Думаю, я пробуду здесь до возвращения этого парня Тигра. А вот когда все созреет для побега, я наведаюсь к Вирате и поговорю с ним по душам. Да, тебя будут расспрашивать так ты скажи им, что вино я пил, что ты меня обыскала, но никакого оружия не нашла.

- Слушаюсь, господин! Я вернусь, как стемнеет. - От возбуждения и страха голос девушки вздрогивал.

Парисита ушла. Конан взял кувшин с вином и смазал им губы, чтобы чувствовался характерный запах. Потом вылил остатки в угол за gobelen и, растянувшись на кушетке, притворился спящим.

Минуту спустя дверь снова приоткрылась и кто-то вошел. Конан не шелохнулся: судя по легкому шороху босых ног и аромату, это девушка, но, по некоторым признакам, не Парисита. Очевидно, полностью магистр не доверяет никому, и меньше всего - женщинам. Навряд ли она послана с целью убить его - вполне хватило бы подмешать в вино яду, - а потому будет лучше не рисковать и не пытаться заглянуть сквозь ресницы.

Частое, прерывистое дыхание выдавало ее страх. Ноздри девушки едва не касались губ киммерийца, пока она, склонившись над ним, старалась уловить в его размеренном дыхании запах подмешанного в вино зелья. Кончики нежных пальцев пробежали по его телу в поисках оружия. Затем, со вздохом облегчения, девушка выскоцила из комнаты.

Воин тихонько рассмеялся. Пройдет еще немало часов, прежде чем настанет время действовать, а потому, пока есть такая возможность, стоит поспать. Теперь жизнь Конана, а также жизни двух девушек зависели от того, насколько удачно ему удастся нашупать способ, как улизнуть из города демонопоклонников. А между тем он спал крепко, без сновидений, точно возлежал на мягком ложе в доме лучшего друга.

5. МАСКА СОРВАНА

Чья-то рука чуть коснулась двери, и Конан уже на ногах - с ясными глазами, готовый в любую секунду дать отпор: в комнату с поклоном входил Хазан. Торжественным тоном стигиец объявил:

- О господин, великий Магистр сынов Джезма желает тебя видеть. Тигр вернулся.

Так, значит, этот Тигр вернулся раньше, чем его ждали. Следуя за

стигийцем, Конан чувствовал, как растет напряжение в мускулах, как обостряется восприятие, быстрее бежит в жилах кровь.

Хазан прошел не в тронный зал - место первой встречи с магистром, а извилистым коридором вывел к двери в бронзовых пластинках, перед которой стоял гирканец с обнаженным мечом в руке. Страж открыл дверь, и Хазан, шагнув первым, жестом пригласил Конана войти. Едва киммериец переступил порог, как дверь захлопнулась.

Конан огляделся. Он находился в просторной комнате без окон, в которую выходило несколько дверей. Против него у дальней стены помещалась кушетка, на которой развалился магистр, - оба черных раба по бокам. Тут же, рядом, толпились не меньше дюжины вооруженных людей: зуагиры, гирканцы, иранистанцы, шемиты, и, к своему большому удивлению, Конан увидел среди них и злодейского вида гиперборея - первого за все время, что он пробыл в Джанайдаре.

Чтобы оценить силы врага, варвару хватило мимолетного взгляда. И тут же его внимание приковал человек в центре комнаты. Тот стоял между ним и магистром, широко - на манер всадника - расставив ноги, ростом почти с Конана, хотя и не такой плотный. Широкие плечи, стальные мускулы и гибкое, как китовый ус, тело выдавало в нем сильного воина. Короткая черная борода не могла скрыть воинственно выпяченной нижней челюсти, а серые глаза под высокой меховой шапкой смотрели холодно и пронзительно. Облегающие штаны не скрывали мускулистых ног. Пальцы правой руки поглаживали усыпаный каменьями эфес сабли, пальцы левой теребили жидкие усы.

Итак, игра окончена. Перед Конаном стоял Ольгерд Владислав, искатель приключений из Запорожья, который знал варвара слишком хорошо, чтобы в нем обмануться. И, разумеется, он не забыл, как три года назад Конан вытеснил его в борьбе за лидерство в банде зуагиров, оставил на память об их споре сломанную руку.

- Наш гость желает присоединиться к нам, - нарушил молчание Вирата.

Человек по прозвищу Тигр усмехнулся:

- Лучше уж лечь в постель с леопардом, чем с этим. Я знаю Конана уже порядочно. Он ужом проползет в твои ряды, настроит против тебя всех людей, а потом, когда меньше всего будешь этого ждать, всадит в спину нож.

Десятки обращенных на киммерийца глаз заполыхали жаждой смерти. Для воинов Тигра слово их начальника было решающим.

Конан расхохотался. Ну что ж, он сделал все возможное и дурачиться

дальше не имеет смысла. Наконец-то он может сорвать с дикой души варвара ненавистную маску светского хлыща, чтобы без глупых сожалений с головой отдаваться кровавым игрищам!

Магистр пожал плечами.

- Ты знаешь, Тигр, в подобных вещах я полностью полагаюсь на твое мнение. Поступай как знаешь, он безоружный.

При мысли о беспомощности своей жертвы лицо воинов исказил волчий оскал. В воздухе засверкала обнаженная сталь. Ольгерд жестоко усмехнулся.

- Мы придумаем тебе конец позабавней, - сказал он. - Интересно, будешь ли сохранять то же спокойствие, с каким развешивал на крестах людей в Хауране... Связать его!

Не прерывая речи, Ольгерд потянулся за саблей, но так медленно и неохотно, словно забыл, какую опасность таит в себе этот черноволосый варвар, какая дикая необузданная сила заключена в этих вздувшихся буграми мускулах.

Не успел Ольгерд вытащить клинок, как Конан, вдруг прыгнув вперед, нанес ему сокрушительный удар в челюсть. Мощь огромного кулака могла бы сравниться разве что с мощью молота в руках кузнеца. Ольгерд рухнул на каменный пол, изо рта его хлынула кровь.

Конан схватился за эфес сабли, но над ним уже навис гиперборей с огромным ильбарским кинжалом. Он один разгадал под маской нарочитого спокойствия смертоносную ярость варвара, но все-таки не смог уберечь своего начальника. Однако он не дал Конану завладеть саблей: тот выпустил эфес и круто повернулся, чтобы встретить врага. Гиперборей ударили, но варвар успел перехватить в запястье руку, и острие клинка, подрагивая, остановилось в дюйме от его груди. Нечеловеческим усилием удерживая смерть левой рукой, Конан правой выхватил из-за пояса гиперборея кинжал и всадил ему по самую рукоятку меж ребер. Враг повалился с предсмертным хрипом, а Конан, вырвав из ослабевших пальцев страшный клинок, легко, как пантера, вскочил на ноги.

Все произошло с ошеломляющей быстротой - в мгновение ока. Прежде чем кто-либо очухался, Ольгерд уже лежал недвижим, а над ним хрипел гиперборей. Когда подоспели остальные, их встретил трехфутовый ильбарский клинок в руке искуснейшего воина Хайборийской эры.

Внезапный выпад в развороте - и опередивший прочих зуагир с отчаянным воплем отступил назад: из рассеченной сонной артерии с хлеставшей кровью быстро уходила жизнь. Глухо застонал гирканец, зажимая ладонями вспоротый живот. Стигиец, до которого дотянулся

клиник, вдруг споткнулся, схватившись за кровавую култышку вместо правой руки: запястье с ятаганом упало ему под ноги.

Конан не отступил к стене, чтобы обезопасить тыл. Наоборот, бешено размахивая окровавленным кинжалом, он прыгнул прямо в гущу врагов. Киммериец очутился как бы в центре урагана: вокруг него, сверкая, взлетали и опускались сабли, из ран потоками струилась кровь, слышались хрип, проклятия и стоны, но каким-то чудом все удары врагов попадали мимо цели варвар двигался так стремительно, так быстро менял стойки, что враги никак не могли за ним уследить. Их многочисленность только мешала делу: сбитые с толку его увертливостью, ошеломленные неожиданным нападением и кровавой резней, они лишь попусту размахивали оружием, зачастую раня и убивая друг друга.

В яростной схватке длинный ильбарский кинжал оказался несравненно удобнее ятаганов и сабель, и Конан успешно пользовался его преимуществами: ударами сверху разрубал черепа, отсекал конечности, с размаху вспарывал животы.

Это была работа мясника - тяжелая и кропотливая, но Конан не сделал ни одного лишнего движения. Он уверенно перемещался среди напряженных тел и стальных клинов, оставляя за собой кровавый след.

Схватка длилась не больше минуты. Наконец уцелевшие, устрашенные огромными потерями, отступили в замешательстве. Тогда, окинув быстрым взглядом комнату, Конан нашел магистра, по-прежнему лежавшего на кушетке между бесстрастными кушитами. Но едва мускулы ног напряглись для прыжка, как громкий шум заставил Конана оглянуться.

В дверях, выходящих в коридор, появились стражники-гирканцы с тяжелыми луками, и люди в комнате, не мешкая, подались по сторонам. На раздумье - секунда, пока руки воинов с напряженными, узловатыми мышцами вкладывают стрелы и, прицеливаясь натягивают тетивы луков. Главное просчитать, успеет ли он убить магистра, прежде чем убьют его самого. Нет, ничего не выйдет: еще в прыжке его тело пронзят с полдюжины сажал,пущенных из тугих луков гирканских кочевников. Они поражают и за пятьсот шагов и легко пробуют его кольчугу. Да от одних ударов стрел его тело, не долетев до цели, рухнет на пол.

И вот в тот миг, когда начальник лучников открыл рот, чтобы крикнуть "Бей!", Конан плашмя бросился на пол. Стрелки спустили тетивы. С тонким свистом, сталкиваясь на лету, с полдюжины стрел пролетели в нескольких дюймах над его головой.

Пока лучники доставали из колчанов новые стрелы, киммериец, не выпуская кинжала, с такой силой оттолкнулся кулаками от пола, что тело

его подбросило в воздух. Миг - и он снова на ногах. Но прежде чем гирканцы вновь изготовились к стрельбе, Конан был уже среди них. Звериным натиском и неустанной работой клинка он проложил тропу из окровавленных, корчащихся тел. Разметав какой-то сброд за дверью, Конан помчался по коридору. Он несся наугад, захлопывая за собой двери комнат в слабой надежде сбить погоню со следа, а суматоха во дворце все набирала силу. Вот Конан свернул в узкий ход и вдруг очутился в тупике с зарешеченным окном.

Из ниши с дротиком в руке выскочил горец-гимелиец. Конан обрушился на него подобно горному обвалу. Устрашенный видом невесть откуда взявшегося перепачканного кровью чужака, гимелиец дико закричал и вслепую ткнул своим оружием, промахнулся, потянул было на себя, но еще раз ударить не успел: варвар, потеряв разум от обилия крови, яростно взмахнул кинжалом. Брызнула алая струя, и голова горца, соскочив с плеч, глухо брякнула о камень.

Конан метнулся к окну. Размахнувшись, он ударили тяжелой рукоятью по прутьям - бесполезно! Тогда, вцепившись в решетку обеими руками, он уперся подошвами в стены по обе стороны окна и что было сил потянул решетку на себя. Мышцы вздулись, глаза залил пот, последний бешеный рывок - и решетка вместе с каменной крошкой вылетела из окна! Киммериец с трудом протиснулся в образовавшуюся брешь и оказался на балконе в ажурной отметке из тонких медных прутьев. Внизу благоухал сад, а за его спиной слышался громовой топот ног по коридору. Рядом с ухом пропела стрела. Выставив перед собой руку с кинжалом, наклонив голову, Конан прыгнул вперед и, прорвавшись сквозь легкое ограждение, полетел боком вниз, однако приземлился на ноги мягко, по-кошачьему.

Сад был пуст, если не считать с полдюжины наложниц, которые, завидев варвара, с визгом разбежались в разные стороны. Не теряя времени, киммериец помчался к стене напротив петляя меж деревьев, чтобы спастись от града стрел. Бросив взгляд через плечо, Конан увидел на балконе десяток разъяренных воинов с перекошенными злобой лицами. Резкий крик подсказал ему: впереди опасность!

По стене, размахивая саблей, бежал человек.

Этот парень - смуглый толстый вендиец - точно рассчитал место, к которому должен был выбежать варвар, но сам туда немного опоздал. Высотой стена была в рост человека, не больше. На бегу ухватившись за край, Конан оттолкнулся от земли и легко взлетел на гребень. Через секунду, увернувшись от удара сабли, он погрузил ужасный клинок в выпирающий живот вендица.

Тот, заревев как бык, в последнем усилии обхватил своего убийцу и, не разжимая рук, стал заваливаться через парапет. Конан едва успел заметить уходящую вниз отвесную гладкую стену. Небольшой выступ задержал падение, но ненадолго - оба рухнули с высоты пятнадцати футов прямо на камни! Однако Конан изловчился и в падении поменялся с вендицем местами, так что жирное тело смягчило удар. И все-таки киммерийца тряхнуло так, что душа едва не отлетела от тела.

6. ПРИЗРАК УЩЕЛИЙ

Конан, пошатываясь, поднялся на ноги. Руки его были пусты. Подняв голову, он увидел над краем парапета ряд голов в тюрбанах и шлемах. Но вот появились луки и стрелы.

Конан затравленно огляделся - укрыться негде. Вновь броситься плашмя? Нет, бесполезно: с высокой стены он послужит для лучников отличной мишенью.

Зазвенела спущенная тетива, и, ударившись о камень стрела разлетелась в щепки. Конан кинулся на землю - за тело убитого вендица. Просунув под него руку, он перевалил окровавленное, все еще теплое тело на себя. Едва он это сделал, как целый град стрел обрушился на труп. Конан почувствовал себя точно под наковальней, по которой вдруг дружно замолотила компания кузнецов. К счастью, этот вендиец оказался настолько толстым, что все острия застревали в мертвый плоти, не причиняя вреда варвару.

- Кром! - выругался Конан. - стрела задела ему икру.

Наконец джезмиты убедились, что только разукрашают труп перьями, и дробный стук прекратился. Конан нащупал пухлые волосатые запястья. Затем, повернувшись на бок, вскочил и забросил мертвеца себе за спину. Руки варвара задрожали от напряжения - вендиец весил не меньше самого Конана.

Прикрываясь трупом как щитом, Конан стал удаляться от стены. Увидев, что жертва ускользает от мести, джезмиты разом завопили и послали вдогонку целую тучу стрел, но те также не достигли цели.

Еще несколько шагов - и киммериец укрылся за торчащим каменным зубом. Конан бросил мертвеца, - грудь и лицо трупа украшали не меньше дюжины стрел.

- Будь у меня лук, я бы научил этих псов кой-чему, - процедил варвар сквозь зубы, выглядывая из-за камня.

Над стеной повсюду торчали головы, но луки бездействовали. Среди тюрбанов и шлемов Конан узнал высокую меховую шапку Ольгерда Владислава. Ольгерд закричал со стены:

- Ты думаешь - удрал? Давай беги! Ты еще пожалеешь, что не остался в Джанайдаре в компании моих головорезов! Прощай, покойничек!

Ольгерд отрывисто кивнул, и его люди вместе со своим начальником скрылись с глаз. Конан остался один, не считая трупа у его ног.

Нахмутившись, варвар неторопливо огляделся: помнится, южный край плато, у города, обрывался во множество узких расселин, и, похоже, он находится как раз в этой впадине. Прямое, шириной в десять шагов ущелье походило на огромную ножевую рану. Оно выходило из лабиринта и другим концом упиралось в отвесную гладкую скалу, служившую основанием для дворца и дворцового сада. Высотой футов в двадцать, скала в этом месте была слишком гладкой для творения природы.

Боковые стены здесь также были отвесными и носили следы инструментов. В тупике на высоте пятнадцати футов их опоясывал железный карниз, утыканый короткими, остриями вниз, лезвиями. Карниз выручил Конана, задержав падение, но любой, кто захотел бы выбраться из ущелья, напоролся бы на эти стальные жала. Ложе ущелья представляло собой пологий склон, так что за пределами железного пояса стены высались уже на двадцать и более футов. Это была западня: частью - творение природы, частью - созданная руками человека.

Конан посмотрел вдоль ущелья. На другом конце оно расширялось, разделяясь на расселины поуже с монолитными каменными грядами вместо стен, а над всем этим темнели очертания огромной горы. Ход в лабиринт был свободен, но вряд ли преследователи, обезопасив себя в одном конце ущелья, оставили лазейку в другом.

Однако в любом случае он не намерен сидеть сложа руки, покорно ожидая уготованной участи. Они, как видно, решили, что с ним уже все кончено, но разве не было других, кто думал точно так же, - и где они сейчас?

Конан вытащил из тела вендища ильбарский кинжал, вытер с лезвия кровь и зашагал вниз по ущелью.

Через сотни ярдов он достиг места, куда выходили узкие расселины, выбрал первую попавшуюся - и сразу потерялся в кошмарной путанице лабиринта. Ходы беспорядочно петляли среди дикого нагромождения камня. Почти все они, то сливаясь, то вновь разделяясь, протянулись с севера на юг, и каждый заканчивался тупиком; а если, пытаясь выбраться, Конан перелезал через стену, то попадал точно в такой же ход. Раз, спускаясь с гряды, Конан вдруг услышал, как под его пяткой что-то сухо треснуло. Поглядев под ноги, он увидел высохший человеческий скелет. Раздробленный на куски череп лежал неподалеку. С этой минуты страшные

останки стали попадаться все чаще. И у каждого скелета - сломанные, неестественно вывернутые кости, расчлененные позвоночники, расколотые черепа. Было ясно одно: силы природы здесь ни при чем.

Настороже, ощупывая взглядом каждый выступ, каждую затененную нишу, Конан медленно продолжал путь. В одном месте он почувствовал слабый запах гниющих отбросов и вскоре наткнулся на раскиданные по земле дынны корки и плоды папайя. Его ноги почти все время ступали по камню, и вдруг он вышел на следы! Почти занесенные песком, они, однако, читались довольно отчетливо. Их не могла оставить лапа леопарда, медведя или тигра, что было бы вполне естественно в горах с такими условиями. Нет, больше всего они походили на отпечатки босой, неправильной формы человеческой ступни!

Через некоторое время Конан вышел к полого выступающей скале, к которой пристали клочья жестких пепельных волос, будто о камень кто-то недавно терся спиной или брюхом. Вместе с запахом гнили воздух здесь был насыщен отвратительной, резкой вонью, особенно нестерпимой в неглубоких пещерах, где этот зверь, человек или демон, похоже, проводил ночи.

Отчаявшись отыскать выход из каменной западни, Конан решил подняться на изъеденную непогодой гряду, которая снизу казалась несколько выше других.

С ее острого гребня киммериец внимательно оглядел местность. Повсюду - на востоке, юге и на западе - взгляд натыкался на препятствия. Крутые скалы и гряды, шпили и пики окружали лабиринт неприступной стеной. И лишь с севера это кольцо было разорвано ущельем, протянувшимся от дворцового сада.

Природа загадочного явления прояснилась. Как видно, давным-давно часть плато между горой и местом, где сейчас стоял город, просела, в результате чего образовалась огромная в виде чаши впадина. С течением времени под воздействием солнца, воды и ветра ровная поверхность впадины разрушилась, и образовался этот чудовищный каменный хаос.

Итак, по ущельям бродить бесполезно. Сейчас главное - добраться до края лабиринта, чтобы отыскать в изломанной стене какую-нибудь скалу, источенную непогодой, по которой можно было бы подняться, или же щель у основания в которую должна вытекать дождевая влага. Кажется, одна из расселин, ведущих на юг, длиннее прочих и как будто не такая извилистая. Быть может, по ней он скорее попадет к подножию горы, нависшей над впадиной? И вовсе ни к чему ломиться напрямик и карабкаться с гряды на гряду, рискуя пораниться об острые выступы. Будет гораздо легче и

быстрее сначала вернуться к развилке у скалы с железным козырьком, а потом уже узкими расселинами выйти к цели.

Быстро спустившись, Конан зашагал обратно. Солнце клонилось к закату, когда он вышел к большому ущелью. Определив нужный ему ход он направился к устью, на ходу оглянулся, чтобы взглянуть напоследок на труп у дальней скалы... и застыл, пораженный.

Тело вендица исчезло, хотя его сабля по-прежнему лежала у подножия стены. Рядом валялись несколько стрел - похоже, они выпали из трупа, когда того волокли по камням. Внимание варвара привлекло слабое мерцание футов за пять от него. Приблизившись, Конан обнаружил, что оно исходит от пары серебряных монет, валявшихся в пыли.

Конан подобрал монеты и какое-то время в задумчивости их разглядывал. Затем, прищурившись, тщательно обшарил взглядом каждый излом, каждый закоулок вокруг. Проще всего было бы предположить, что тело унесли сами джезмиты, каким-то образом проникшие в ущелье. Но в этом случае они наверняка подобрали бы неповрежденные стрелы, не говоря уже о деньгах.

Но если это не джезмиты, то кто? Опять же эти изломанные скелеты и раздробленные черепа... помнится, Парисита говорила что-то о двери в преисподнюю или о чем-то в этом роде... Да, дело ясное: здесь, в лабиринте, обитает неведомая, враждебная человеку сила. Кром всемогущий! А что, если та причудливо изукрашенная дверь в темнице выходит не куда-нибудь, а в это самое ущелье?!

Осмотрев дюйм за дюймом гладкую стену, Конан обнаружил то, то искал: узкие трещинки, незаметные для случайного взгляда, выдавали знакомые очертания. Замаскированная под скалу со стороны ущелья, дверь была пригнана почти идеально. Мускулы варвара напряглись - и все силы его тела ушли в мощный удар!.. Дверь даже не шелохнулась. Конан вспомнил о тяжелых засовах и стальных полосах. Пожалуй, такую дверь разобьет только таран. Неприступная дверь, лезвия железного карниза, гладкие стены - они сделали все возможное, чтобы таинственный обитатель каменных джунглей не смог попасть в город. Но, с другой стороны, вряд ли пики и двери способны остановить демона, а значит, тварь, против которой приняты все эти меры, должна быть создана из плоти и крови. Это несколько успокаивало.

Конан посмотрел вниз - туда, где в большое ущелье выходили десятки узких расселин. Интересно, какое чудовище скрывает в себе лабиринт? Солнце еще не село, не успело скрыться за краем стены, и его лучи не достигали дна. По-прежнему было светло, но уже отовсюду наползали

тени.

Вдруг до ушей варвара донесся шум: приглушенные удары - тум-тум-тум, - как будто бы барабаны отбивали ритм марширующим воинам. И вместе с тем в этих звуках было что-то необычное. Конану был знаком сухой треск деревянных колод - барабанов Куша, гром медных литавр гирканцев, рассыпчатая дробь походных барабанов гипербореев, но эти удары отличались ото всех. Конан оглянулся на Джанайдар, но шум доносился не со стороны города. Казалось, он исходит сразу отовсюду: из воздуха, от стен вокруг, из-под земли.

Затем наступила тишина.

Когда Конан снова вступил в лабиринт, впадина уже погрузилась в голубоватый сумрак. С полчаса он пробирался извилистыми ходами, пока наконец не очутился в широком месте, откуда, как он заметил с гребня гряды, можно было почти напрямую добраться до южной стены впадины. Но не прошел Конан и пятидесяти ярдов, как расселина разделилась под острым углом на два хода. С гряды он развидку не заметил и сейчас, озадаченный, медлил, не зная, какой следует выбрать путь.

Конан пристально вглядывался в оба хода и вдруг замер. В правой расселине ярдов за сорок от развилики виднелся сгусток фиолетовой тени ниша в скале. И в этом сгустке что-то шевелилось! Внезапно мускулы под кожей вздулись буграми, стальными струнами зазвенели нервы: перед человеком в неверном лунном свете стояло огромное волосатое существо!

Чудовищная обезьяна на кривых, узловатых ногах, ростом не ниже гориллы, высилась в полумраке подобно наводящему ужас призраку из древней легенды, облаченному в живую плоть и кровь. Существо чем-то напоминало человекообразных обезьян - Конан прежде встречал таких в горах по берегам моря Вилайет, - но эта была значительно крупнее, а спутанные клочья пепельно-серой, едва не белой шерсти - густой, как у животных Севера, свисали почти до земли.

Судя по отпечаткам ступней и расположению больших пальцев, по своему развитию тварь стояла ближе к человеку, чем к животным. Она не лазила по деревьям - местами ее обитания были, скорее горные отроги и степи. В целом с чертами обезьяны, лицо, однако, имело и отличия: более выраженная переносица и не такая массивная нижняя челюсть. Но удаленное сходство с человеком только усиливало отвращение при виде твари, а огоньки в маленьких красных глазках мерцали лютой злобой и жестокостью.

И тут Конан вспомнил: перед ним чудовище, о котором упоминалось в мифах и легендах Севера, - снежная обезьяна из жутких пустынь Патении.

О существовании зверя ходили самые невероятные слухи, и все они зарождались на унылых плато бесплодной земли Лоулана. Жители горных племен клялись всеми богами, что все рассказанное ими - чистая правда, что в их стране и вправду обитает человекоподобный зверь, который пришел к ним еще в незапамятные времена и сумел приспособиться к скудной пище и суровым морозам северных гор.

Все это пронеслось в мозгу варвара, точно вспышка молнии, пока оба человек и зверь - не двигаясь, с напряженным вниманием оглядывали друг друга. Но вот обезьяна оскалила желтые клыки, с ее зубов сорвались клочья пены, и, раскрыв пасть, зверь издал высокий, леденящий душу крик, многократно отраженный от стек ущелья.

Конан ждал: ноги словно вросли в камень, острие клинка направлено в мощную грудь обезьяны.

До этого дня чудовищу попадались или мертвецы, или измученные пыткой узники. Его разум, отличавшийся от разума зверя лишь крохотной живой искоркой, находил жестокое удовольствие в предсмертных страданиях своих жертв. А этот двуногий перед ним - такое же слабое создание, и пусть у него в руке что-то блестит, зверь, как и с теми, сначала натешится его муками, а потом разорвет на части и размозжит голову, чтобы добраться до лакомства - нежного, жирного мозга.

Размахивая длинными руками, обезьяна шагнула вперед. Конан понял, что он уцелеет только в одном случае: если сумеет избежать смертельных объятий этих огромных рук.

Чудовище оказалось проворнее, чем можно было ожидать. Между противниками оставалось еще несколько футов, когда чудовище вдруг оторвалось от земли в мощном прыжке. Но еще не накрыла варвара уродливая тень, еще не сомкнулись страшные руки, как Конан сделал легкое движение, и будь на его месте леопард, тот был бы посрамлен изяществом, с каким человек уклонился от удара.

Толстые черные ногти лишь зацепили рваную тунику. Тут же блеснул клинок - и сдавленный вопль прокатился по лабиринту: правое запястье обезьяны было разрублено до половины! Плотный волосатый покров не позволил клинку довершить дело. Из раны хлынула кровь. Два-три мгновения - и зверь вновь бросился вперед на этот раз с такой яростью, что человек не успел отскочить в сторону.

Конан успел лишь увернуться от узловатых пальцев, едва не вспоровших живот острыми ногтями, но литое, точно каменная глыба, плечо ударило его в грудь, и, путаясь ногами, киммериец отлетел к стене. Зверь медленно приблизился. Волосатая рука схватила варвара и потащила

по камням. Полуживой, едва не ослепший от пыли, пота и крови, варвар в последнем отчаянном усилии всадил кинжал по самую рукоятку в огромное брюхо зверя.

В следующий миг оба со страшной силой ударились о каменную гряду. Уродливая рука обхватила торс человека. Визг животного оглушил его, страшные зубы, роняя клочья пены, искали его плоть. Но вот челюсти клацнули в последний раз, обезьяна запрокинула голову, и по всему телу твари пробежала предсмертная судорога.

Конан высвободился из мощных объятий и, с трудом встав на ноги, протер глаза: его враг в агонии бил ногами. С ужасной обезьяной было покончено. Клинок киммерийца, пройдя сквозь мускулы и внутренности, вонзился прямо в свирепое сердце антропоида!

От долгого напряжения мускулы Конана дрожали. Его тело - крепкое, как железо, - сумело выдержать яростный натиск чудовища, которое порвало бы на куски любого, будь тот хоть на ничтожную малость слабее варвара. Но в эту схватку Конан вложил всего себя до самой последней клеточки. Одежда едва держалась на плечах, несколько звенев кольчуги были разорваны. Пальцы с острыми ногтями оставили на спине кровавые борозды. Человек стоял, тяжело дыша, как после долгого бега, с головы до ног перепачканный кровью - своей и животного.

Шло время. Показалось красное солнце, перечерченное надвое дальним каменным пиком. Конан усиленно размышлял над происшедшим, и постепенно неясная прежде картина обретала четкость. Наверняка измученных пыткой узников вышвырывают обезьяне через дверь в скале. Подобно тварям, обитавшим у моря Вилайет, она питалась и растительной, и животной пищей. Но только узники навряд ли могут насытить такого огромного и подвижного зверя. Значит, джезмиты должны постоянно его подкармливать - отсюда и объедки дыни, папайи и других плодов.

Конан сглотнул и почувствовал жажду. Он избавил расселины от их жуткого обитателя, но неизбежно погибнет от голода и жажды, если не найдет способа, как выбраться из провала. В этой каменной пустыне где-то должен быть ключ и должна быть лужа с дождевой водой, откуда пила обезьяна, но на их поиски мог уйти целый месяц.

Лабиринт быстро заполняли сумерки, когда Конан, постояв у развилки, направился в правую расселину. Шагов через тридцать обе расселины встретились, и дальше ход был просторнее. С каждым шагом гряды по сторонам становились круче и выше, а в стенах все чаще встречались пещерки и ниши с тошнотворным запахом обезьяны. Конану вдруг пришло в голову, что тварь, возможно, не одна, что могут быть и другие, но он тут

же отбросил эту мысль: будь это так, на крик одного зверя немедленно явились бы сородичи.

Наконец над головой нависла громада черной горы. Каменное ложе изгибалось вверх все круче, и вскоре Конан уже карабкался по склону - все выше и выше, пока не очутился на узком козырьке. Перед ним по ту сторону провала лежал город джезмитов Джанайдар. Отдыхая, киммериец прислонился спиной к гладкой отвесной скале - ни единой трещинки, муха и та не зацепится!

- Кром и Митра! - негромко выругался он.

Вверх пути не было. Конан начал пробираться вправо по склону, пока не достиг края плато. Здесь стены круто обрывались вниз.

Сгустившиеся сумерки мешали определить глубину. Конан прикинул: пожалуй, его бечевы не хватит и до половины. Тем не менее он размотал с талии веревку и опустил ее на всю длину. Крюк повис, свободно покачиваясь в воздухе.

Тогда Конан возвратился на козырек и стал пробираться по другую сторону, не теряя надежды так или иначе нашупать спуск с горы. Здесь склон был не такой крутой. Он снова размотал веревку и повторил опыт - на этот раз удачно. Где-то на глубине тридцати футов находился выступ. Конан наклонился над пропастью - выступ едва заметной тропинкой вел дальше по склону и терялся среди нагромождения скал. Чтобы спуститься с плато этим путем, пришлось бы пробираться по каменным торосам, десятки раз рискуя сломать себе шею. Малейшая оплошность - и вниз, с высоты сотен футов прямо на торчащие клыки скал! Путь не из легких, однако Нанайя сильная девушка, и она его одолеет!

Но главное сейчас - как-то попасть в Джанайдар. Там, на потайной лестнице во дворце Вираты, его дожидается Нанайя... если, конечно, ее до сих пор не обнаружили. И самый верный способ - это подождать пока не придет джезмит с кормом для обезьяны и не откроет эту дверь в преисподнюю. К тому же, судя по времени, Тубал вместе с воинами из Кушафа должен быть уже на пути к Джанайдару.

В любом случае у него есть чем заняться в этом городе. И, слегка пожав плечами, киммериец повернулся обратно.

7. СМЕРТЬ В ДВОРЦОВЫХ ПОКОЯХ

С трудом отыскивая путь в наступившей темноте, Конан пробирался расселинами лабиринта. Наконец он вышел в широкое ущелье, на другом его конце высилась отвесная стена с поясом из стальных лезвий. Огни Джанайдара отбрасывали в небо слабый свет, увенчивая скалу призрачным, мертвенным ореолом; в воздухе слышались тягучие, заунывные звуки

ситара. Высокий женский голос вторил им жалобной песней. Стоя посреди разбросанных скелетов, Конан мрачно усмехнулся в темноту.

Еды перед дверью не было - ни плодов, ни трупов. Оставалось лишь гадать, как часто кормили этого зверя и будут ли вообще его кормить этой ночью.

Делать нечего - ему не привыкать ставить на кон свою шкуру. Киммериец стоял, вжавшись в скалу сбоку от двери, неподвижный как статуя, а между тем мысль о Нанайе, о том, где она сейчас, что с ней, буквально сводила его с ума.

Так минул час. Конан готов был потерять последнее терпение, как вдруг послышался лязг засовов, и дверь чуть приоткрылась.

Кто-то смотрел в узенькую щелку, желая, как видно, удостовериться, что ужасного стражи лабиринта нет поблизости. Секунды тянулись мучительно медленно. Вновь заскрипели шарниры, дверь открылась, и из нее появился человек, в руке он держал большую медную чашу с овощами и фруктами. Джезмит наклонился, чтобы поставить чашу, и, вдруг заметив тень у стены, удивленно вскрикнул. Но поздно: варвар взмахнул кинжалом, и человек повалился на камни - вниз по ущелью катилась голова.

Заглянув в открытую дверь, Конан увидел пустом коридоре пустые камеры-клетки. Тогда он подхватил обезглавленное тело под мышки и, оттащив от стены, спрятал среди обломков скал.

Затем он вернулся, вошел в коридор и, закрыв за собой дверь, аккуратно наложил засовы. С кинжалом в руке, весь настороже, Конан пошел к потайной двери, ведущей в туннель и дальше - к лестнице. Там он укроется. Правда, его с Нанайей могут обнаружить, но в таком случае они забаррикадируются в коридоре с камерами и до подхода друзей будут держать оборону здесь... если, конечно, друзья вообще когда-нибудь подойдут.

Но не успел киммериец приблизиться к потайной двери, как услышал у себя за спиной скрип шарниров. Конан круто развернулся - дверь на другом конце коридора медленно приоткрывалась. Варвар стремительно бросился к проему, в котором уже показался стражник.

Как и убитый, этот был гирканцем. При виде мчащегося на него варвара из груди воина вырвался сдавленный крик, его рука метнулась к ятагану.

Последний мощный прыжок - и острие ильбарского кинжала уперлось в грудь стражника. Тот в страхе отшатнулся к закрывшейся двери.

- Тихо! - прошипел Конан.

Гирканец застыл, его желтоватое лицо стало белее снега, мускулы

подрагивали. Он осторожно выпустил рукоятку ятагана и протянул к варвару руки, моля о пощаде.

- Ты один? - Глаза Конана сверкнули.

- Один, клянусь Таримом! Больше никого!

- Где иранистанская девушка Нанайя? - В душе Конан надеялся, что знает это, но, с другой стороны... вдруг бегство обнаружили и ее вновь схватили?

- То ведомо одним бога! - ответил гирканец. - Мы с отрядом стражи привели в темницу собак-зуагиров и тут, в камере, нашли своего товарища с полуотрубленной головой, а девчонки там не было. От всего этого во дворце такой переполох поднялся, такая беготня - куда там! Но мне приказали увести зуагиров, так что больше я ничего не знаю.

- Каких зуагиров? - удивился Конан.

- Да тех ротозеев, что не заметили тебя на Лестнице. За свою оплошность они должны завтра утром умереть.

- Где они?

- В других камерах, за этой дверью. Я только что вышел от них.

- Тогда живо - поворачивайся и шагай обратно. И без фокусов у меня!

Гирканец открыл дверь и шагнул за порог, но с такой опаской, будто ступал по обнаженным лезвиям. Оба вошли в новый коридор с таким же рядом камер. При появлении Конана по камерам прокатился изумленный шепот. Бородатые лица сгрудились у решеток, жилистые руки обхватили железные прутья. Семеро заключенных молча, не отрываясь, смотрели на киммерийца, в их глазах пылала ненависть. Конан легонько подтолкнул стражника в спину, и тот встал перед камерой с зуагирами.

- Вы с таким рвением служили своему господину, - с усмешкой сказал варвар, - за что же он вас запер!

Антар, сын Ади, в ярости плонул под ноги киммерийца.

- Все из-за тебя, пришлый пес! Ты сумел взобраться по Лестнице, за это магистр и приговорил нас всех к смерти еще до того, как тебя раскусили. Он сказал: или мы продались, или нас облапошили, но в любом случае мы нарушили долг, а потому утром нас, как баранов, прирежут потрошители Захака, покарай Хануман вас обоих!

- По крайней мере, вы угодите в царствие небесное! - насмешливо напомнил им Конан. - Так что ваша преданность Магистру сынов Джезма будет вознаграждена.

- Да чтоб собаки сгрызли этого магистра! - воскликнул с горечью один, а другой добавил:

- Чтоб вас с магистром в преисподней сковали одной цепью! Плевать

мне на их рай! Все брехня! Опоят зельем, шлюх напустят, а ты верь!

Конан отметил про себя, что, пожалуй, Вирата напрасно приписывал своим людям беззаветную преданность своей особе: судя по всему, времена предков магистра, когда по воле господина люди с готовностью шли на смерть, безвозвратно ушли в прошлое.

Конан снял с пояса стража связку ключей и, как бы в раздумье, покачал ею. Зуагиры уставились на связку глазами людей, привязанных к столбам для сожжения и вдруг увидевших близкую грозу.

- Антар, сын Ади, - заговорил варвар, обращаясь к начальнику зуагиров. - Твои руки обагрены кровью многих, но, насколько я помню, ты никогда не нарушал данной клятвы. Магистр приговорил тебя к смерти и, значит, сам отказался от твоих услуг. Зуагиры, вы ему больше не нужны. И вы ничем ему не обязаны.

Глаза Антара загорелись волчьим огнем.

- Если бы я смог отправить его в царство Тьмы, то с легким сердцем сошел бы следом.

Воины застыли в напряженном ожидании..

- Клянетесь ли вы честью своего народа, что будете следовать за мной и служить мне до тех пор, пока не свершится месть или смерть не освободит вас от этой клятвы? - Конан отвел руку с ключами за спину, чтобы не смущать их видом отчаявшихся людей. - Вирата не даст вам ничего, кроме собачьей смерти. Я предлагаю мщение или, по меньшей мере, достойную смерть.

Глаза Антара сверкнули, его мускулистые руки, сжимавшие прутья решетки, задрожали от нетерпения.

- Верь нам! - выдохнул он.

- Клянемся! Клянемся! - зашумели зуагиры за его спиной. - Клянемся честью нашего народа!

Еще не стихли слова клятвы, а Конан уже поворачивал в замке ключ. Дикие, двуличные, жестокие - так отзывался бы о них какой-нибудь вельможа, но Конан знал этих пустынников: у них были свои понятия о чести, во многом схожие с теми, что были приняты в далекой Киммерии.

Они гурьбой вывалились из камеры и тут же вцепились в гирканца, вопя:

- Убить его! Он пес Захака!

Но Конан вырвал стражника из их лап, а самому упрямому добавил кулаком, отчего тот растянулся на полу, что, впрочем, не вызвало особого недовольства.

- А ну, тихо! - прикрикнул он. - Этот человек - мой, и я сам решу, как

мне с ним поступить.

Подталкивая перед собой перепуганного стражника, Конан вернулся в темницу, в которой прежде была Нанайя. Поклявшись в верности, зуагиры слепо, ни о чем не спрашивая, шли за новым вожаком. Там варвар приказал гирканцу раздеться. Дрожа от страха перед пыткой, тот поспешил исполнить приказ..

- Поменяйся с ним одеждой! - отрывисто бросил он Антару. Повторять не пришлось, и Конан обратился к другому: - Ты выйдешь через черную дверь и...

- Но там свирепая обезьяна! - в ужасе воскликнул тот. - Она разорвет меня на куски!

- Обезьяна мертва. Я угостил ее вот этим. - Конан коснулся ильбарского кинжала. - Так вот. По ту сторону двери за ближней скалой ты найдешь труп. Возьми кинжал и подбери меч - он где-то там, неподалеку.

Пустынник бросил на Конана благоговейный взгляд и молча удалился. Свой кинжал киммериец отдал другому зуагиру, а кинжалом гирканца - с волнистым лезвием - вооружил еще одного. Тем временем остальные связали стражника, заткнули ему кляпом рот и втолкнули в открытый варваром потайной туннель. Антар уже стоял в остроконечном шлеме, куртке и шелковых штанах стражника. Его скуластое лицо обмануло бы любого, не подозревавшего о подмене. Сам Конан, чтобы скрыть лицо, надел на голову убор Антара из белой ткани.

- И все-таки двое безоружны, - вполголоса сказал он, окинув зуагиров задумчивым взглядом. - Ну да ладно, за мной!

Переступив через связанного стражника, он зашагал по коридору в темноту, мимо глазков, просверленных в боковых стенах. У нижней ступеньки варвар остановился.

- Нанайя! - тихо позвал он. Ответа не было.

Нахмурившись, Конан начал ощупью подниматься по лестнице. Вот и последняя ступенька - девушки нет. Однако два меча, спрятанные наверху, оказались на месте. Итак, теперь каждый из семи зуагиров худо-бедно, но вооружен.

Киммериец заглянул сквозь маленькое отверстие в двери: комната, в которой он спал, была пуста. Чуть сдвинув плиту, он осмотрел помещение через узкую щель, затем полностью открыл дверь.

- Похоже, ее все-таки нашли, - прошептал он Антару. - Куда еще, кроме подземелья, они могли ее спрятать?

- Магистр обычно наказывает провинившихся девушек в тронном зале, где принимал тебя утром.

- Тогда вперед!.. Эй, что это?

Конан насторожился: в воздухе вновь слышались, те низкие удары барабана, которые озадачили его в ущелье. Как и в тот раз, звуки точно шли из-под земли. Зуагиры в страхе переглядывались, их смуглые лица покрыла смертельная бледность. Антар зябко поежился.

- Не знаю, - сказал он. - Никто не знает. Это началось несколько месяцев назад, и с тех пор удары раздаются все чаще и все сильнее. В первый раз магистр перевернул город вверх дном - хотел докопаться, откуда идет этот бой. Так ничего и не обнаружив, он бросил поиски и приказал, чтобы никто даже и думать не смел об этих барабанах, не то что упоминать о них. Ходят слухи, что с того дня он едва ли не все夜里 напролет пропадает в своей молельне, читая заклинания и дымя благовониями, - хочет дознаться у всякой нечисти, кто не дает ему покоя, - да только все впустую.

Пока Антар говорил, таинственные звуки смолкли.

- Ладно, - сказал Конан. - Отведите меня к этой комнате для порки. Остальным сомкнуть ряды и идти как ни в чем, не бывало, но без лишнего шума. Может быть так нам удастся одурачить дворцовых псов.

- Лучше пройти Райским садом, - посоветовал Антар. - На ночь перед входом в тронный зал ставят усиленную стражу из стигийцев.

Конан кивнул.

Коридор за дверью оказался пуст. Зуагиры зашагали впереди. С наступлением ночи от тишины и загадочности событий воздух во дворце великого магистра словно сгустился. Огни потускнели, тени выросли, тяжелые, мерцающие золотыми узорами gobelены висели, не шелохнувшись.

Зуагиры хорошо знали дорогу. Потерявшие прежний лоск, с горящими глазами, крадучись, они шайкой полуночных воров неслышно скользили по темным, богато украшенным переходам. Держась подальше от оживленных мест, они выбирали коридоры, где по ночам никто не бывал. Маленький отряд так никого и не встретил, пока, совершенно неожиданно, дорогу им не преградила дверь, укрепленная позолоченными железными полосами, которую охраняли два огромного роста черных кушита с обнаженными саблями в руках.

При виде подозрительных вооруженных людей оба молча подняли сабли. Ослепленные жаждой мести, зуагиры всем скопом бросились на чернокожих, и пока двое с мечами нападали в открытую, остальные, пробравшись понизу, вцепились им в ноги, повалили на пол и принялись остервенело добивать. В клубке напряженных, потных тел слышался

только предсмертный хрип да блестели кинжалы. Бойня была ужасна, но неизбежна.

- Останешься здесь на часах, - приказал Конан одному из зуагиров. Он распахнул дверь и ступил в сад: пустой, под звездным небом, тот сумрачно светился приглушенными красками цветов, густая зелень покрывала дорожки. Зуагиры, воодушевленные победой, энергично шагали следом.

Конан направился прямо к скрытому ветвями деревьев балкону, выходившему в сад. Трое воинов нагнулись, подставляя спины. Через секунду Конан нашел окно, через которое они с Виратой смотрели в сад. Еще миг - и варвар бесшумно, как кошка, проскользнул между тонких прутьев решетки во дворец.

Из-за гардин, прикрывавших нишу с балконом, доносились два голоса: Вираты и женские всхлипывания.

Слегка отогнув занавеску, киммериец заглянул в зал и первым делом увидел магистра, развалившегося на троне под расшитым жемчугом балдахином. Стражники уже не стояли рядом эбеновыми истуканами. Вместо этого они сидели на корточках перед возвышением и точили длинные, узкие кинжалы; чуть в стороне, в полыхающей жаровне, наливались белым железные шипы и клещи. Нанайя - обнаженная, распятая на полу между неграми - глазами, полными слез, следила за страшными приготовлениями. Ее запястья и лодыжки были туго привязаны к кольцам, вбитым в отверстия в полу. Больше в зале никого не было, на парадных бронзовых дверях - засов.

- Скажи, кто помог тебе бежать из камеры? - послышался тягучий голос Вираты.

- Нет! Никогда! - Пытаясь овладеть собой, девушка до крови закусила губу.

- Конан, не правда ли? - Глаза магистра сверкнули.

- Ты звал меня? - Варвар шагнул из ниши - на его мрачном, с давним шрамом лице играла недобрая улыбка.

Изумленно вскрикнув, Вирата вскочил с трона. Кущиты с рычанием потянулись за оружием.

Конан прыгнул вперед и не успел стражник вытащить меч, как упал с рассеченным горлом. Другой с поднятым ятаганом метнулся к распростертому телу девушки, чтобы раньше собственной смерти успеть зарезать жертву. Но ильбарский клинок вовремя отразил удар, и в молниеносном выпаде Конан по рукоятку вонзил клинок в грудь кущита. Тот всей своей тушей повалился на киммерийца, но варвар пригнулся и, упервшись свободной рукой в живот чернокожего, напрягая силы, поднял

хрипящее тело над головой. Враг застонал и слабо шевельнулся, но Конан с размаху швырнул кушита на пол. С глухим стуком тот рухнул на каменные плиты и испустил дух.

Конан вновь повернулся к магистру, который, вместо того чтобы, воспользовавшись случаем, бежать, наоборот - подходил все ближе, не сводя с варвара темных, широко раскрытых глаз. Зрачки магистра излучали сумрачный свет, они, словно магнитом, притягивали к себе взгляд варвара.

Конан рванулся вперед, еще миг - и его меч вонзился в тело колдуна! Но вдруг Конана точно опутали цепями, движения давались с неимоверным трудом - казалось, он пробирается по вязкой трясине стигийских болот, поросших черными лотосами. Мышцы вздулись железными буграми. От страшного напряжения на коже выступили капли пота.

Вирата медленно приближался - руки вытянуты вперед скрюченные пальцы еле заметно дрожат, зловещий взгляд устремлен прямо в глаза киммерийца. Вот пальцы чуть распрямились нацелились на горло. Мозг обожгла мысль: прибегнув к колдовству, этот внешне тщедушный человечек сломает жилистую бычью шею воина, как тростинку!

Все ближе, ближе крючковатые пальцы. Напряжение в мускулах достигло предела, но с каждым шагом магистра чары усиливались.

И вдруг отчаянно закричала Нанайя - протяжный, на высшей ноте вопль женщины, с которой живьем сдирают кожу, ворвался в тронный зал.

Вирата обернулся и на какой-то миг отвел глаза. Будто каменная глыба упала с плеч Конана, и когда магистр снова впился в него взглядом, варвар был готов к отпору. Глядя на грудь Вираты сквозь прищуренные веки, он резко взмахнул кинжалом. Клинок со свистом рассек воздух - с непостижимым проворством козланец отпрянул прочь и, повернувшись, побежал к парадному входу, крича во все горло:

- На помощь! Стража! Ко мне!.

Снаружи послышались вопли, и дверь заходила от мощных ударов. Конан выжидал. Вот пальцы магистра вцепились в засов но в этот миг Конан, размахнувшись метнул клинок, и тот, пронзив спину Вираты между лопаток, пригвоздил, как насекомое, великого магистра к двери!

8. ВОЛЧЬЯ ТРАВЛЯ

Неторопливо подойдя к двери, Конан выдернул кинжал, и труп магистра соскользнул на пол. В коридоре нарастал шум, а из сада слышались крики зуагиров, которым не терпелось поскорее присоединиться к Конану и узнать, как обстоят дела. Киммериец крикнул, чтобы они обождали. Потом, торопливо освободив девушку, оторвал от дивана полосу шелковой обивки и обернулся вокруг ее бедер и талии. И

только сейчас, когда опасность миновала, Нанайя дала наконец волю чувствам. Крепко обхватив шею Конана руками, прильнув к нему всем телом, она, захлебываясь в плаче, без конца повторяла одно и то же:

- О Конан, Конан! Я знала, верила, что ты придешь! Они сказали, что ты мертв, но ведь тебя убить нельзя! О Конан!.. - И опять.

- Прибереги-ка свои нежности на потом, - грубо оборвал он девушку, легонько похлопав ее чуть пониже спины.

Прихватив оружие кушитов, Конан прошел к балкону и передал Нанайю в руки поджидавших внизу зуагиров. Затем спрыгнул сам.

- Куда теперь, господин? - Воинов охватило нетерпение, они так и рвались в бой.

- Тем же путем, что пришли, - через потайной ход обратно в подземелье и в лабиринт.

Быстрым шагом они направились через сад. Конан держал Нанайю за руку. Не успели они сделать и дюжины шагов, как впереди раздался звон мечей, и тут же - грохот во дворце у них за спиной. Послышалась крепкая брань, скрип петель и вдруг будто ударил гром - дворцовая дверь в сад захлопнулась. На дорожке, ковыляя, показался зуагир, оставленный на страже. Страшно ругаясь, он на ходу пытался остановить кровь, сочущуюся из раны в предплечье.

- У двери псы гирканцы! - издали крикнул он. - Кто-то видел нашу схватку с кушитами и доложил Захаку. Одного я пырнул в живот, дверь захлопнула, но долго она не выдержит!

Конан повернулся к Антару:

- Можно выйти из сада, минуя дворец?

- Сюда! - Зуагир побежал к северной стене, скрытой за густой зеленью.

Даже на другом конце сада было слышно, как под бешеным натиском степных кочевников разлетается в щепки дверь, ведущая из дворца в сад. Антар рубил по сплетению ветвей и веток до тех пор, пока взору не предсталася маленькая, искусно спрятанная в стене дверца. Конан вставил рукоять кинжала в дужку старинного замка и, осторожно взявшись за клинок, начал медленно поворачивать массивное оружие. Зуагиры наблюдали, затаив дыхание, а грохот и треск со стороны дворца - все громче, все ужаснее! Но вот наконец последний рывок - и дужка разорвана!

Нагибаясь, они друг за другом проскользнули в дворец и очутились в другом саду, поменьше, залитом светом от висящих фонарей. Едва они успели перевести дыхание, как дворцовая дверь рухнула и поток вооруженных людей хлынул в Райский сад. В центре садика, в который попали беглецы, высилась стройная башня, привлекшая внимание Конана,

когда его привели на дворцовый двор. На уровне второго этажа на несколько футов от стены выдавался балкон в узорной деревянной решетке. Над балконом квадратная башня уходила в небо на высоту свыше ста ярдов, у вершины она расширялась и заканчивалась крытой смотровой площадкой.

- Есть отсюда другой выход? - крикнул Конан.

Антар указал рукой:

- Та дверь ведет во дворец к лестнице в темницу!

- Туда, живо! - Захлопнув дверцу в садик, Конан мощным ударом всадил в косяк кинжал. - Надеюсь, выдержит хоть полминуты.

Они помчались к указанной двери, но та оказалась запертой изнутри. Конан ударили плечом - дверь дрогнула, но выдержала удар.

Яростные вопли за их спинами слились в дикий рев, когда одна из досок разлетелась в щепки и в проеме показались искаженные злобой лица. Замелькали мечи и кинжалы, каждый норовил протиснуться вперед.

- В башню! - отрывисто бросил Конан. - Если туда попадем...

- Магистр занимался в ней колдовством! - выпалил зуагир, бегущий за варваром. - Кроме Тигра, верхнюю комнату никто не видел. По слухам, в башне оружие. И стражка внизу...

- Ходу! - рявкнул Конан, мчась впереди; Наная едва успевала отрывать ноги от земли - казалось, девушка парит в воздухе вслед за киммерийцем.

Наконец дверца не выдержала, и плотный клубок воинов-гирканцев ввалился в сад. Судя по крикам за другими стенами, окружавшими сад с башней, подкрепление должно было подоспеть с минуты на минуту.

Конан был почти у башни, как вдруг дверь в ее основании открылась и, привлеченные шумом, из нее выбежали пятеро обескураженных стражников. При виде несущихся прямо на них людей - глаза горят, зубы оскалены - они разом завопили и схватились за оружие. Но поздно! Конан был уже рядом. Двое пали от его клинка, на остальных налетели зуагиры - кололи, резали и рвали, пока три тела в блестящих латах не рухнули, истекая кровью, на землю.

Но гирканцы из Райского сада, гремя доспехами, уже бежали к башне. Зуагиры ураганом влетели в нижнее помещение. Конан захлопнул бронзовую дверь и наложил засов - такой тяжелый, что с легкостью устоял бы под натиском слона. Воины Захака, сгрудившись снаружи, в бессилии изливали потоки браны.

Конан впереди, зуагиры - следом ринулись вверх по лестнице. На половине лестницы один из них, споткнувшись, упал - он потерял много

крови. Киммериец подхватил его и остаток пролета нес на себе. Наверху, опустив на пол, приказал Нанайе перевязать ужасную рану, оставленную мечом стражника, а после сидеть в комнате второго этажа с маленькими окошками и дверью, ведущей на балкон. Отблески света от фонарей внизу падали в окна, поигрывая на стеллажах с оружием: шлемы, кирасы, щиты, копья, мечи, топоры, булавы, луки и колчаны, полные стрел, бесстрастно ожидали своих хозяев. Оружия было столько, что хватило бы для большого отряда, и, несомненно, в верхних комнатах его тоже было немало. Вирата превратил башню в свой арсенал, а заодно использовал для занятий магией.

Зуагиры радостно загудели и схватились за луки с колчанами. Все, включая легкораненых, выссыпали на балкон и, устроившись за решеткой ограды, принялись пускать стрелы в скопление воинов у подножия башни.

В ответ на балкон обрушился настоящий ливень стрел: часть впивалась в деревянную решетку, и лишь немногие пролетали сквозь узкие отверстия. Враги стреляли наугад, не видя зуагиров, укрытых густой тенью.. К башне со всех сторон бежали вооруженные люди. Самого Захака не было видно, зато можно было различить не меньше сотни его гирканцев и множество воинов еще десятка рас. Они плотно набились в сад и вопили не хуже демонов.

Тонкие деревца трещали под напором тел, фонари на ветках бешено раскачивались и прыгающий огонь освещал толпу с задранными вверх лицами, отмеченными одной печатью - печатью ненависти. Повсюду, точно молнии, вспыхивала сталь. Беспрерывно пели тетивы луков. Цветы, кусты, дорожки все было разорвано в клочья яростным вихрем сотен ног. Вдруг раздалось глухое "тумп!" - воины притащили откуда-то деревянный брус и, пользуясь им как тараном, пытались взломать дверь.

- Цельтесь в людей у тарана! - рявкнул Конан, натягивая лук - самый тугой, какой сумел отыскать.

Сильно выступая вперед, балкон мешал осажденным целиться в тех, кто держал брус впереди, зато они легко перебили другую половину воинов, вынудив оставшихся бросить тяжелый таран. Случайно оглянувшись, Конан с удивлением увидел Нанайю в юбке из полосы шелка. Она азартно пускала стрелы вместе со всеми.

- Я, кажется, сказал тебе... - начал он, но девушка нетерпеливо махнула рукой:

- Брось! У тебя нет какой-нибудь рукавицы? Я себе все пальцы о тетиву изрезала.

В ответ Конан озадаченно хмыкнул и снова взялся за лук. Но лишь

когда над шумом схватки взметнулся резкий голос Ольгерда Владислава, киммериец понял, что надежды почти не осталось. Как видно, тот уже через считанные минуты знал о смерти магистра и немедленно принял командование на себя.

- Лестницы! - вдруг воскликнул Антар.

Конан прищуренным взглядом впился в полумрак. В свете качающихся фонарей он увидел три лестницы - каждую несли на плечах по несколько человек. Варвар метнулся в комнату и через секунду вернулся с копьем в руке.

Два воина установили в упоре лестницы, еще двое, вцепившись в боковые брусья, прошли мимо них - к башне. С глухим стуком верхние концы брусьев легли на ограждение.

- Толкай вбок! Спихивай! - закричали зуагиры, а один просунул меч в отверстие решетки.

- Назад! - рявкнул Конами. - Я сам!

Он подождал, пока на лестнице не окажется несколько воинов. Первым карабкался плотный иранистанец, вооруженный топором. Вот он отвел руку за спину, готовясь ударить по деревянной решетке, но в этот миг Конан, просунув в отверстие копье, уперся в перекладину и что было сил нажал. Лестница нехотя отошла от балкона, качнулась назад. С воплями выпустив оружие, враги вцепились в перекладины. Но еще немного - и лестница вместе с людьми рухнула вниз, прямо на головы осаждающих!

- Эй, здесь еще одна! - крикнул зуагир на другом конце балкона, и Конан поспешил на зов. Последнюю не успели поднять и до половины, а стрелы уже сразили обоих воинов у брусьев, и она упала вслед за прочими.

- Стреляйте! - прорычал Конан, кидая копье и поднимая свой огромный лук.

Смертоносный дождь стрел, на который невозможно было толком ответить, поостудил пыл нападавших. Людская масса внизу дрогнула, разбралась на отдельно группы, и скоро каждый думал только о своем спасении. При виде разбегавшихся врагов зуагиры неистово завопили от радости, не забывая, однако, посыпать им вдогонку стрелы.

Через минуту сад опустел, лишь повсюду на земле валялись трупы и умирающие. Но вдоль садовых стен и на крышах близких домов наблюдалась усиленная возня.

Конан решил подняться выше. Он миновал еще несколько комнат, также до отказа набитых оружием, и наконец очутился в лаборатории магистра. Одним взглядом киммериец окинул запыленные свитки рукописей, непонятного назначения инструменты, чертежи и, не

задерживаясь одолел последний пролет и вылез на смотровую площадку.

Отсюда Конан мог спокойно оценить обстановку. Зелень окружала дворец со всех сторон, кроме фасада - там расположился обширный двор. Сады и двор окружала высокая наружная стена. Внутренние стены, пониже, подобно спицам в колесе, разделяли зелень на секторы.

Сад с башней, куда их загнали, находился к северо-западу от дворца. К нему примыкал двор, отделенный от сада стеной. За другой стеной, на западе, зеленел такой же сад а к юго-востоку, особнячком, раскинулся великолепный Райский сад, примыкавший к дворцовой стене.

За наружной стеной, замыкавшей дворцовую территорию, Конан разглядел крыши городских домов. Ближайший отстоял от стены не более чем на тридцать шагов. И повсюду - во дворце, в садах, в домах - мелькали огни.

Постепенно крики, проклятия, стоны и бряцанье оружия стихли до неясного шума. И тогда со стороны двора из-за стены донесся мощный голос Ольгерда Владислава:

- Сдавайся, Конан! У тебя нет выбора!

В ответ киммериец издевательски расхохотался:

- Приди и возьми!

- Я возьму! - пообещал козак. - На рассвете. Считай, что ты уже труп!

- Примерно то же ты говорил, загнав меня в лабиринт, но, как видишь, я жив, а обезьяна мертвa. - Конан говорил на гирканском языке. От его слов по рядам воинов прокатился ропот недоверия и гнева. А варвар между тем продолжал: - Ольгерд, ты объявил джезмитам, что их магистр мертв?

- Они прекрасно знают, что истинным владельцем Джанайдара всегда был Ольгерд Владислав! Не знаю, как ты разделался с обезьянкой, как вытащил из тюрьмы зуагирских псов, но не пройдет и часа, как твоя кожа будет сушиться на стене башни!

Откуда-то из глубины дворцового двора беспрерывно доносился стук молотков, визг пил, отрывистые выкрики команд.

- Ты слышишь, киммерийская свинья? - крикнул Ольгерд. - Мои люди строят осадную машину на колесах; в ней укроются пятьдесят воинов, и ты уже не достанешь их своими стрелами. К рассвету она будет стоять рядом с башней, и тогда тебе придет конец, грязный пес!

- Спускай своих собак. В укрытии, снаружи - я все равно их прикончу!

В ответ раздался демонический хохот, и на этом переговоры закончились. Конан обдумал возможность внезапного прорыва, но отказался от этой затеи: повсюду за стенами толпились воины, и подобная попытка означала бы верную смерть. Их крепость превратилась в тюрьму.

Итак, вся надежда на Тубала: если тот вместе с кушафи не подоспеет вовремя, то, несмотря на всю ярость, силу и искусство киммерийца, долго им не продержаться.

Стук молотков между тем не стихал ни на минуту. Даже если Тубал придет к восходу солнца, и тогда может быть слишком поздно. Правда, чтобы втащить машину в сад, джезмитам придется сначала разрушить стену, но это не займет много времени. Поэтому, когда Конан спустился к товарищам, лицо его омрачала тревога.

Зуагиры не разделяли настроения своего предводителя. Они только что одержали блестящую победу, у них была сильная позиция, начальник, которого они боготворили, и неисчерпаемый запас стрел. Чего же еще желать воину?

Тяжелораненый скончался, когда предрассветные сумерки притушили фонари в саду. Конан внимательно оглядел свое потрепанное воинство. Зуагиры, согнувшись, перебегали по балкону, поминутно заглядывая в отверстия решетки. Наная, завернувшись в обрывок шелка, как убитая, спала на полу.

Вдруг постукивание прекратилось. И в наступившей тишине раздался скрип огромных колес. Молох войны, сотворенный джезмитами, оставался по-прежнему невидим, но острым зрением варвар разглядел темные фигуры, толпившиеся на крышах домов за наружной стеной. Оторвав взгляд от крыш и крон деревьев, он некоторое время с тайной надеждой всматривался в северный край плато. Никакого движения: в свете пробуждающегося дня оборонительные сооружения на краю плато производили впечатление вымерших. Быть может, часовые, на которых не действовала печальная участь отряда Антара, при первых звуках схватки сорвались с мест и покинули пост? Но проблеск надежды тут же угас - по дороге к Лестнице пылил отряд в дюжину стражников. Все верно: Ольгерд - опытный воин и никогда не оставил бы такой важный пост без прикрытия.

Конан повернулся к оставшимся шести зуагирам - бородатые, с налитыми кровью глазами, они молча смотрели на него.

- Кушафи не пришли, - глухо сказал он. - Очень скоро Ольгерд нашлет на нас своих головорезов. Они укроются в осадной машине, и там их не достать. Под ее защитой они взберутся по лестницам и ворвутся в башню. Скольких-то мы убьем, остальных убьют нас.

- На все воля Хануман! - ответили воины. - Джезмиты надолго запомнят этот день! - В утреннем свете лица зуагиров оскалились, точно морды голодных волков, руки крепче сжали оружие.

Голоса во дворе усилились. Заглянув в окно, Конан увидел осадную машину: с ужасным скрежетом и скрипом она медленно приближалась к стене. Это было тяжелое, неуклюжее сооружение из деревянных брусьев, бронзы и железа, установленное на тележку с несколькими парами колес высотой в рост человека, снятых с колесниц. За таким щитом могли бы укрыться от стрел не меньше полусотни человек. Машина приблизилась к стене и там становилась. Забили кувалды.

Шум разбудил Нанайю. Она села, протирая глаза, и вдруг с воплем кинулась к Конану.

- Да уймись ты! - резко одернул ее варвар. - Выкарабкаемся как-нибудь! - Однако в душе он вовсе не был в том уверен. Для девушки киммериец мог сделать очень немного: быть рядом, чтобы во время штурма последним ударом меча избавить ее от пыток, наверняка уготованных всем пленным.

- Пошла трещинами. Похоже, скоро рухнет, - пристально глядя на стену, сказал самый остроглазый из зуагиров. - Ишь как напылили кувалдами. Сейчас сами покажутся.

Из стены начали вываливаться камни, потом вдруг рухнул целый кусок. В брешьсыпали люди - схватив обломки, они потащили их в стороны. Конан согнул тугой гирканский лук и пустил стрелу. В проломе дико закричал человек - стрела пронзила его грудь. Двое оттащили раненого, остальные продолжали расчищать площадку. Поодаль темнела осадная башня, спрятавшиеся в ней воины нетерпеливыми криками погоняли тех, кто расчищал дорогу. Конан пускал стрелу за стрелой. Некоторые отскакивали от камней, но большинство впивались в человеческие тела. Была минута, когда джезмиты дрогнули и подались за стену, но тут же над их головами хлыстом взвился голос Ольгерда, и все немедленно вернулись к работе.

И когда первые лучи солнца проложили по земле длинные тени, все препятствия на пути осадной машины были убраны. С ужасным треском башня двинулась вперед. Зуагиры пускали стрелы, но те застревали в дубленой коже, натянутой меж брусьев. Конан прикинулся: в высоту башня доходила до второго этажа, лестницы в таких сооружениях приколачивают изнутри к стенам; выходит, как только эта машина окажется у балкона, джезмиты вылезут на верхнюю площадку, в щепки разнесут ажурную решетку и, всей массой ринувшись на балкон, сметут и его и горстку зуагиров!

Киммериец повернулся к своим воинам.

- Вы храбро сражались, - сказал он. - Давайте же умрем достойно и

постараемся захватить с собой в царство Теней побольше псов-джезмитов. Не будем ждать, пока они навалятся на нас, - их слишком много. Сами разрубим решетку и, когда они полезут по лестницам, встретим их на верхней площадке. Пусть попробуют выбраться!

- Их лучники изрешетят нас из кустов, - возразил Антар.

Конан пожал плечами, его губы скривились в горестной усмешке.

- Пусть так. А мы тем временем славно позабавимся. Скажи своим, чтоб принесли из оружейной копья, - в такого рода схватке лучше фаланги ничего не придумаешь. Я еще видел там большие щиты - поставим несколько по краям, чтоб прикрывали от стрел.

Секундами позже варвар уже стоял впереди линии затаивших дыхание с копьями наперевес зуагиров; сам он держал тяжелый боевой топор, готовый в нужную минуту напрочь снести деревянную решетку и улечь за собой товарищей.

Все ближе, ближе башня, и все громче победный рев джезмитов!

Внезапно, на длину копья от балкона, машина замерла. Раздалось призывное пение труб, поднялся шум, переполох, и воины, выскочив из башни, помчались обратно к пролому. Минута - и сад опустел.

9. ЗЛОЙ РОК ДЖАНАЙДАРА

- Кром, Митра и Асур - в кучу! - прорычал варвар, бросив топор. Псы удирают, а я их и не приласкал!

Он бегал по балкону, пытаясь разглядеть причину неожиданного бегства, однако громоздкая осадная машина загораживала собой весь обзор. Тогда киммериец метнулся в оружейную и помчался вверх по лестнице на смотровую площадку.

И первый взгляд поверх крыш Джанайдара - туда, на север, где вилась лента дороги, ведущей из города. По ней что было сил бежали с полдюжины воинов. А дальше, издали похожие на муравьев, через оборонительные сооружения по краю плато лезли и лезли какие-то люди. Мощный вопль ярости долетел до внезапно притихшего Джанайдара. И в наступившей затем тишине Конан отчетливо услышал тот загадочный барабанный бой, который и прежде не давал ему покоя. Но сейчас ему было все равно - пусть хоть все демоны преисподней разом забарабанят под проклятым городом.

- Балаш! - загремел его голос.

Вот уже во второй раз его выручила беспечность стражей Лестницы. Горцы дождались минуты, когда сменялся караул, и, взобравшись незамеченными, в молниеносной схватке перерезали вновь прибывших. Воинов, хлынувших на плато из-за бруствера, было больше, чем набралось

бы мужчин в Кушафе, и, несмотря на расстояние, Конан сразу узнал красные шелковые шаровары своих козаков.

В Джанайдаре минута оцепенения сменилась лихорадочной суетой. По улицам забегали рабы и воины, на крышах вопили женщины. От дома к дому подобно шквалу пронеслась весть о неожиданном вторжении. Но вот над общей сумятицей, словно удар бича - жгучий, но отрезвляющий, - раздался голос Ольгерда.

Из садов, дворцового двора, ближних домов на площадь стал стекаться народ. В дальнем конце улицы, в окружении гирканцев в сверкающих доспехах, Конан разглядел самого Ольгерда, там же блестел шлем Захака с роскошным плюмажем. За их спинами, в боевом порядке племен, развернулось несколько сот воинов-джезмитов. Как видно, Ольгерд успел обучить их некоторым приемам ведения боя.

Организованным строем они прошли десятка два шагов, словно намереваясь выйти из города и встретить варваров в открытом поле, но у кромки города вдруг рассеялись, скрывшись в домах и садах по обеим сторонам улицы.

Варвары находились слишком далеко и не могли видеть маневра. Когда они подошли к Джанайдару, город казался вымершим.

Но из своего орлиного гнезда Конан прекрасно видел и сады, кишащие воинами, и крыши, где за балюстрадой притаились лучники. Друзья шли прямо в западню, а он не может их предупредить! Из груди варвара вырвалось сдавленное рычание.

На площадку, тяжело дыша, вылез один из зуагиров. Он как раз кончил заматывать раненое запястье. Затягивая зубами узел, воин невнятно произнес:

- Твои друзья? Эти простачки бегут прямо в пасть смерти.

- Вижу! - прорычал Конан.

- Догадываешься, что сейчас будет? - продолжал зуагир. - Еще в бытность дворцовым стражником я раз слышал, как Тигр объяснял командирам отрядов свой план на случай внезапного вторжения. Видишь в конце улицы на восточной окраине фруктовые деревья? Там сейчас спрятаны пятьдесят тяжелых пехотинцев. По другую сторону дороги раскинулся густой сад - мы называем его садом Стигийцев. Там в засаде не меньше полусотни. Одинокий дом неподалеку битком набит воинами, те, что по другую сторону улицы, - тоже.

- Зачем ты мне все это говоришь? Я сам вижу затаившихся псов - и в саду, и на крышах.

- Ага. Те, что в саду, не шелохнутся, пока варвары не пройдут по

дороге мимо и не окажутся между домами. Тут же лучники выпустят по ним тучи стрел, а тяжелые воины, как две стены, перекроют улицу. Ни один не уйдет.

- Если бы можно было их предостеречь!.. - пробормотал Конан. - За мной - вниз!

Он скатился по лестнице в оружейную. Крикнув Антара и зуагиров, киммериец отрывисто бросил им:

- Мы выступаем!

- Семеро против семисот?! - Антар разинул рот. - Я не трус, но...

В нескольких словах Конан передал все, что видел со смотровой площадки.

- Как только Ольгерд захлопнет свою мышеловку, атакуем джезмитов с тыла, и, может быть, нам улыбнется удача. Терять все равно нечего: если Ольгерд разделается с моими друзьями, он вернется к башне, и тогда нам конец.

- Но как нас отличат от Ольгердовых псов? - все еще сомневался зуагир. - Твои дикари сначала разрубят нас вместе с джезмитами на куски, а уж потом будут разбираться, что к чему.

- Смотрите! - Конан указал на посеребренные кольчуги и бронзовые шлемы древней работы - их заостренные макушки украшали хвосты из конского волоса. - Одевайте! Таких доспехов здесь ни у кого нет! Главное держаться рядом. Вместо боевого клича кричите: "Конан!" И, будем надеяться, все обойдется. - И с этими словами он натянул себе на голову шлем.

Непривычные к тяжелому вооружению, зуагиры недовольно заворчали: мало им этого железа, так тут еще эти нащечные пластинки так ограничивают видимость, что впору тыкаться, точно слепые щенки.

- Одевайте, живо! - загремел по комнате голос Конана. - Это вам не пустыня - подкрался шакалом, убил, ограбил и удрал: это открытый бой! Приготовьтесь и ждите меня. Я скоро.

Он снова поднялся наверх. Вольные Братья и горцы сомкнутым строем, бок о бок быстро шли по дороге. Ярдов за двести от окраины они остановились. Наученный жизнью, Балаш был опытным вожаком и не решался вслепую бросить свою стаю на совершенно незнакомый город. От общей массы отделились несколько человек и побежали к окраине - разведчики. Вот они скрылись за домами, но скоро появились вновь и очертя голову помчались к своим. Следом за ними, забыв про порядок, неслись не меньше сотни джанайдарцев.

Мгновение - и варвары стояли боевым строем. Пространство,

разделявшее врагов, прочертили стрелы, и несколько джезмитов упали. Но остальные, благополучно добежав, врубились в строй козаков и кушафи. С минуту все скрывало облако пыли, сквозь которую пробивался лишь блеск мечей и ятаганов, игравших на солнце. Но вот джезмиты дрогнули и обратились в бегство. А дальше случилось то, чего так опасался Конан: забыв об осторожности, вопя, словно выводок кровожадных демонов, варвары устремились в погоню.

Киммериец знал, что эта сотня - не более чем приманка, чтобы с ее помощью заманить в ловушку основные силы. Ольгерд никогда не послал бы на серьезное дело столь малочисленный отряд.

Преследуя отступавшего врага, варвары подтянули фланги к дороге. Хотя Балаш так и не смог пресечь их неудержимый порыв, ему удалось - где проклятиями, где тычками - сбить воинов в довольно плотную стаю! И вовремя! Наступая на пятки джезмитам, первая волна уже докатилась до окраины.

Их не накрыла еще тень деревьев а Конан уже мчался вниз по лестнице.

- Вперед! - крикнул он. - Нанайя, остаешься здесь! Запри за нами дверь!

Лавиной по ступеням - вниз на первый этаж, наружу, мимо брошенной осадной башни, дальше - сквозь брешь в стене!

Никто не преградил им путь, - похоже, Ольгерд собрал вокруг себя всех, способных носить оружие.

Антар провел их во дворец, по лабиринту коридоров, комнат - к парадному входу. И только они выбежали из полумрака покоев, как их едва не оглушил рев дюжины длинноющих труб в руках гирканцев Ольгерда - сигнал к атаке! В тот миг, когда отряд выскочил на улицу, мышеловка захлопнулась. В дальнем конце улицы - глухая стена из бронированных спин, десятки лучников на крышеах, пускающих тучи стрел, проклятья, вопли, стоны варваров!

Стремительным шагом, без единого звука вел Конан свой отряд в тыл джезмитам. Последние оставались в полном неведении до тех пор, пока копья зуагиров не начали вонзаться им промеж лопаток. Жертвы не успевали падать, а зуагиры, свободив оружие, поражали новых и новых врагов. Тем временем в центре Конан орудовал страшным боевым топором: стальное лезвие раскрывало черепа, от тел отлетали обрубленные по плечо руки, гнулась броня. По мере того как копья ломались или застревали в телаах, зуагиры брались за мечи.

Натиск оказался столь мощным, столь стремительным, что, прежде

чем джезмиты поняли, что атакованы с тыла, горстка смельчаков успела перебить две дюжины врагов. Но наконец те догадались оглянуться и при виде результатов бойни, учиненной какими-то людьми в странных доспехах, с криками отчаяния подались в стороны. В их воображении семерка атакующих с мечами, копьями и топором мгновенно превратилась в целую армию.

- Конан! Конан! - дико завопили зуагиры.

От этого крика зажатые в западне воспряли духом. Между ними и их начальником оставалось всего двое. Одного проткнул мечом козак, другому киммериец обрушил на голову топор. Удар был настолько силен, что острие не только разрубило шлем и голову, но треснуло само топорище.

В минуту замешательства, когда зуагиры с Конаном и варвары вдруг очутились лицом к лицу, с недоверием глядя друг на друга, Конан сбил на затылок шлем и козаки увидели знакомое лицо.

- Ко мне! - прокатился над шумом битвы его мощный голос. - Режь глотки, братья-волки!

- С нами Конан! - радостно завопили ближние соратники, их клич тут же был подхвачен остальными.

- Десять тысяч золотых за голову киммерийца! - раздался резкий голос Ольгерда Владислава.

Схватка возобновилась с удвоенной яростью. Вновь зазвучал жуткий хор битвы: хрюпы, проклятия, вопли, угрозы и стоны. Постепенно поле боя раскололось на сотни поединков между парами воинов и небольшими отрядами. Топча раненых и мертвых, варвары вихрем мчались по улицам, врывались в дома, крушили дорогую мебель, громыхали по ступеням лестниц и, добравшись до крыш, в короткой кровавой сече резали лучников.

Никто и не помышлял сохранить в этой свалке хотя бы видимость порядка или строя - не было ни времени отдавать команды, ни охотников их исполнять. Все предались работе мясников: как обезумевшие, тяжело дыша, в поту, люди кололи, резали, душили, скользя босыми ногами в лужах еще теплой крови. Словно огромная живая волна, масса сражающихся то прокатывалась по главной улице Джанайдара, то отступала, то, перехлестывая через стены, разливалась по аллеям и садам. Силы были примерно равными, и исход битвы могла определить любая случайность. Никто не знал, как идет сражение, все только убивали или старались избежать смерти, и это занятие поглощало воинов без остатка.

Конан не рвал голосовых связок попусту - ослепленная жаждой крови, толпа не признавала авторитетов. Время стратегии, искусства боя

кончилось: сейчас все будут решать выносливость, владение мечом и ярость - простое ремесло убийц. Окруженному орущими, хрипящими людьми, ему не оставалось ничего иного, как только подчиниться общему безумию: разрубать головы, вспарывать животы, рассекать надвое тела, а в остальном довериться богам.

Но вот под порывами ветерка утренний туман стал понемногу рассеиваться, а вместе с ним начала ослабевать и битва: сплетенные клубки распались на отряды, отряды - на отдельных воинов. Все чаще мелькали спины: еще немного - и одна из сторон дрогнет...

Не выдержали джезмиты: отвага, вызванная принятым накануне зельем, стала улетучиваться из них вместе с наркотиком.

И вдруг Конан увидел Ольгерда Владислава. Шлем козака, кираса - все во вмятинах и брызгах крови, одежда изодрана в клочья, стальные мускулы, подчиняясь игре сабли, то опадали, то вздувались буграми. В серых глазах холод на губах застыла жестокая улыбка. Три трупа, три кушафи лежали у его ног, и еще четверо варваров тщетно пытались пробиться за черту, очерченную острием клинка. Справа и слева от него гирканцы в блестящих латах и узкоглазые кхитайцы в доспехах из дубленой кожи мечами и врукопашную сдерживали бешеный натиск варваров.

Конан увидел и Тубала - впервые с тех пор, как они расстались у Лестницы. Словно гигантский чернобородый буйвол, тот вспахивал борозду прямо по обломкам битвы, вкладывая в смертоносные удары всю свою мощь дикого зверя. На секунду взгляд киммерийца выхватил из толпы фигуру Балаша - окровавленный, пошатываясь, вождь кушафи пробирался к краю битвы. Кинжалом и мечом Конан начал прокладывать себе путь к Ольгерду.

Заметив приближающегося киммерийца, Ольгерд засмеялся, в его глазах вспыхнули огоньки безумия. По кольчуге варвара сочилась кровь, сливааясь в ручейки, она стекала с мускулистых, загорелых ног. Кинжал был по рукоятку в крови.

- Смерть Конану! - зарычал Ольгерд.

Варвар напал, как нападают козаки - в крутом развороте, описывая полукруг мечом. Ольгерд прыгнул навстречу - и оба сшиблись в смертельном бою, яростно кидаясь друг на друга, нанося удары так быстро, что глаз не успевал за клинком противника.

Их окружили воины. Тяжело дыша, перепачканные кровью, люди на время оставили тяжелый труд убийц и жадно следили за поединком своих предводителей, в котором решалась судьба Джанайдара.

Ольгерд удачно увернулся - клинок Конана встретил пустоту, и киммериец едва удержался на ногах.

- Ай-и-и! - завопила сотня глоток.

Козак издал победный крик и замахнулся. Но прежде чем он опустил меч, прежде чем понял, как глупо он попался на уловку, длинный кинжал в железных руках Конана, пробив нагрудник, вонзился в его сердце. Ольгерд умер мгновенно. На землю рухнул труп, и клинок выскользнул из раны.

Выпрямившись киммериец обвел толпу помутненным взором. Победа!

И вдруг воздух разорвался кличем - не тем, который можно было бы ожидать от торжествующих, но уставших варваров, а более дружным и бодрым. Конан поднял голову и увидел новое соединение: вооруженные люди монолитной фалангой шли по улице, сокрушая и расшвыривая в стороны последние оказавшиеся у них на пути группы сражающихся.

Когда строй приблизился, Конан различил позолоченные кольчуги и кachaющиеся в такт шагу плюмажи на шлемах - гвардия Иранистана! Ее вел неудержимый Готарза; своим огромным ятаганом он рубил всех подряд - и варваров, и джезмитов.

В мгновение ока обстановка переменилась. Часть джезмитов позорно ретировалась Конан крикнул: "Ко мне, козаки!" - и уже через минуту его окружали Вольные Братья, кушафи и даже остатки армии джезмитов. Последние, признав в киммерийце достойного вожака, сплотились вокруг варвара, чтобы в одной спайке с недавними смертельными врагами противостоять невесть откуда взявшемуся неприятелю. Мечи с новой силой заиграли на солнце, и Смерть начала собирать новую жатву.

Неожиданно Конан очутился лицом к лицу с Готарзой - мощными ударами, под которыми легли бы и молодые дубки, тот, словно траву в поле, выкашивал врагов. Ильбарский, в зазубринах, клинок Конана пел и мелькал, едва видимый глазу, однако иранистанец не уступал ни в чем. Кровь из пореза на лбу заливала лицо Готарзы, кровь из рваной раны на плече окрасила кольчугу варвара алым, но клинки врашивались и сшибались с не меньшей яростью, бессильные отыскать брешь в обороне противника.

Внезапно низкий шум битвы перерос в пронзительный вопль неподдельного ужаса. Сражение остановилось; забыв обо всем, люди со всех ног мчались к дороге, ведущей к подъему на плато. Поток бегущих прижал Готарзу и Конана друг к другу. Бросив оружие, схватившись так, что затрещали груди, они продолжали биться врукопашную. Конан открыл рот, желая выяснить, что случилось, но его тут же забили черные волосы из бороды Готарзы. Выплюнув их, киммериец прорычал:

- Ты, придворный шаркун! Что тут стряслось?!

- То возвращаются истинные хозяева Джанайдара! Полюбуйся, свинья!

Подозревая подвох, Конан все-таки оглянулся. Со всех сторон по земле стались полчища серых теней. Взгляд выхватил безжизненные, немигающие глаза, оскал уродливых собачьих пастей, впивавшихся клыками и в живых, и в мертвых, в то время как когтистые, похожие на руки лапы рвали на части плоть. Объятые ужасом, воины рубили и кололи тварей, но пергаментная, трупного цвета кожа монстров была практически неуязвима. И там, где удавалось расчленить одну тварь, на ее место тут же появлялось трое новых. Воздух наполнился отчаянными криками, хрустом костей и отвратительным чавканьем.

- Проклятие Джанайдара - упыри! - Готарза задохнулся от ужаса. Бежим! Дай слово, что, пока не выпутаемся, ты не ударишь в спину, - тогда разожму руки. Продолжим после!

Плотная масса беглецов сбила их с ног. Варвара чуть не затоптали. В нечеловеческом усилии Конан - приподнялся на колени, схватил свой кинжал, встал, выпрямился, побежал, вовсю орудуя кулаками и локтями, высвобождая в обезумевшей толпе вокруг себя чуток пространства - посвободнее вздохнуть.

Людской поток до краев затопил дорогу к Лестнице: джезмиты, козаки, иранистанские воины - все вместе, забыв о ненависти, напрягая силы, они спасались от не знающих жалости выходцев преисподней. По краям отступавшей толпы кишили зловещие тени. Словно гигантские серые вши, упыри в секунду накрывали с головой всякого, кто отстал или шагнул в сторону от общей массы. Конан протиснулся к краю и вдруг увидел Готарзу - тот едва держался на ногах, отбиваясь от четырех упырей. Свой меч он потерял, но, не растерявшиесь, будто клещами сдавил пальцами шеи двум убийцам, пока третий повис у него на ногах, а четвертый кружил, стараясь дотянуться до горла.

Взмах ильбарского клинка - и тварь развалилась надвое, еще взмах - и от второй отлетела голова. Готарза сбросил с себя остальных, и те вместе с подоспевшими полезли на Конана, вонзая в его тело зубы, когти, разрывая плоть.

Казалось, еще миг - и киммериец рухнет! Дальше - все как в тумане: вот Готарза, отодрав упыря, швыряет его оземь и топчет ногами, слышится звук, будто трещит сухой валежник, - то хрустят ребра твари; вот сам Конан ломает кинжал о панцирь; вот пробивает череп упыря эфесом...

И снова сумасшедшее бегство от Смерти! Прорвавшись сквозь ворота в стене, люди лавиной стекали по Лестнице и, гонимые животным ужасом, мчались дальше по каньону. Выгрызая из толпы все новые жертвы, упыри

гнали людей до самых ворот. Но как только последний из оставшихся в живых скатился по Лестнице, чудовища сразу повернули обратно в город - туда, где над сотнями человеческих трупов уже возились, дрались, клацали челюстями их мерзкие собратья.

А в каньоне люди, попадав с ног от усталости, лежали вповалку, не задаваясь вопросом, кто рядом с ними - свой или враг. Некоторые сидели, прислонившись спиной к большим валунам или скалам. Большинство воинов были ранены. На коже, обрывках одежды у всех - пятна крови, волосы всклокочены, доспехи разрублены или помяты, в глазах застыл ужас. Оружие многие потеряли. Из тех нескольких сотен воинов, что участвовали на рассвете в битве, уцелело не больше половины. Долгое время отовсюду слышалось лишь тяжелое дыхание, стоны раненых, треск разрываемой на лоскуты материи да изредка звяканье железа о камни, когда лежащий воин менял положение.

Несмотря на то, что со вчерашнего дня он только и делал, что сражался, удирал и с быстротой молнии носился вверх-вниз, Конан пришел в себя одним из первых. Киммериец широко зевнул, потянулся и поморщился раны напомнили о себе острой болью.

Затем, поднявшись, он начал разгуливать среди раскинувшихся тел, высматривая своих людей, поддерживая нуждающихся в помощи и собирая всех в плотную группу. Он набрел на зуагиров и из шести воинов увидел лишь троих, включая Антара. Нашел он и Тубала, однако Кодруса нигде не было.

У другой стены каньона Балаш тоже не терял времени даром: привалившись спиной к скале, с ногами, на которых от повязок не было живого места, он слабым голосом, отдавал приказания своим кушафи.

Готарза также собирал свою гвардию. Джезмиты, которые понесли наиболее ощутимые потери, словно отбившиеся от стада овцы, потерянно бродили по каньону, со страхом отмечая признаки быстро набирающего силу противостояния.

- Я своими руками убил Захака, - сказал Антар Конану. - Теперь некому вести их в бой.

Киммериец не спеша подошел к Балашу.

- Ну как ты, старый волчище?

- Неплохо. Вот жаль, что сам бегать не могу. Выходит, древние легенды не солгали! Значит, и в самом деле упыри время от времени вылезают из своих подземных пещер чтобы пожрать всякого, кто осмелится поселиться в их городе. - Он содрогнулся. - Думаю, теперь не скоро отыщется охотник отстраивать город заново.

- Конан! - Голос Готарзы. - Нам надо закончить разговор.

- Не возражаю! - прорычал варвар, а на ухо Тубалу шепнул: - Построй людей в боевой порядок: тех, кто меньше изранен и лучше вооружен, поставь по флангам. - Затем прошел среди нагромождения камня и остановился на сравнительно ровной площадке как раз посередине между варварами и гвардейцами Готарзы.

Тот также вышел вперед говоря:

- Я все же обязан выполнить приказ: доставить тебя и Балаша в Аншан, живых или мертвых.

- Валяй! - бросил на это Конан.

Балаш тоже счел нужным подать голос:

- Я ранен, но, если возьмешь меня силой, мои воины будут преследовать вас в горах, пока не перебьют всех до последнего.

- Храбрая речь, но еще одна битва - и у тебя не останется воинов, ответил горцу Готарза. - Ты не хуже меня знаешь, что соседние племена не упустят случая воспользоваться твоей слабостью: они немедленно нападут на деревни и уведут ваших женщин. Наш царь владеет горами Ильбарс только потому, что у горцев никогда не хватало ума объединиться и выступить против него сообща. Так было и так будет!

Балаш помолчал немного. Потом спросил:

- Скажи мне, Готарза, как вы узнали дорогу в Джанайдар?

- Мы прибыли в Кушаф прошлой ночью и там, прибегнув к помощи ножа для свежевания туш, убедили одного малого рассказать нам все. Тот и выложил, что вы подались в Друджистан, и даже согласился - опять же не без нашей помощи - стать проводником. Незадолго до рассвета мы подошли к стене с козырьком, с которого свисала веревочная лестница, - дурни кушафи так торопились на выручку, что даже не удосужились втащить ее за собой. Мы связали воинов, оставленных при лошадях, а сами двинулись дальше.

А сейчас - о деле. Лично я против вас обоих ничего не имею, но я поклялся именем Асуры, пока жив, исполнять волю Кобад-шаха, и я ее исполню. С другой стороны, было бы недостойно втягивать в новую резню наших людей: они и так до предела измотаны, к тому же сегодня полегло уже немало храбрецов.

- Что ты задумал? - проворчал Конан.

- Полагаю, мы с тобой могли бы уладить дело в личном поединке. Если паду я, ты сможешь отправиться на все четыре стороны, и никто не посмеет тебя остановить. Если выйдет наоборот, я захвачу Балаша с собой в Аншан. Готарза нашел глазами горца. - Кто знает, вдруг ты докажешь, что

не причастен к заговору? Я расскажу повелителю, как ты помог покончить с Невидимыми, - это будет веским доводом в твою пользу.

- Я довольно наслышан о подозрительности Кобада, не думаю, чтобы он внял голосу разума, - ответил на это Балаш. - Но все равно - я согласен, потому как знаю, что ни один городской неженка, воспитанный на мягких перинах, никогда не одолеет в поединке Конана-варвара.

- Решено! - коротко бросил Конан и повернулся к своим воинам: - У кого есть большой меч?

Испробовав на вес несколько штук, он выбрал длинный и прямой меч работы хайборийского кузнеца. Затем - лицом к Готарзе:

- Ты готов?

- Готов! - ответил тот и ринулся в бой.

Два меча сшиблись и зазвенели, высекая искры. Круги, очерченные сталью, сверкнув как молния, сменялись новыми, и глаз не различал, где чей клинок. Противники подпрыгивали, разворачивались наступали, отступали, нагибались, уклоняясь от смертоносных лезвий, а их мечи, не останавливаясь ни на миг, как будто сами по себе все продолжали свою страшную работу. Удар! - вправо - кровь! - вниз - искры! - влево - и так без конца! Впервые за тысячи лет существования Джанайдара черные пики были свидетелями подлинного искусства владения мечом.

И вдруг:

- Остановитесь! - И так как бой продолжался, тот же голос: - Я сказал - хватит!

Готарза и Конан, с подозрением глядя друг на друга, отступили в стороны и вместе повернулись на голос.

- Бардийя! - удивленно воскликнул Готарза. И точно: у входа в расселину, ведущую к козырьку в отвесной скале, виднелась тучная фигура дворцового управляющего. - Ты здесь откуда?

- Прекратить бой! - снова крикнул иранистанец. - Я загнал трех коней, пытаясь вас настигнуть. Кобад-шах умер от яда - кинжал Джезма был отправлен. Страной правит его сын Аршак. Он снял все обвинения против Конана и Балаша и желает, чтобы Балаш по-прежнему охранял северные рубежи, а Конан вернулся на службу в столицу. Иранистану нужны такие храбрые воины, потому что король Турана Ездигерд покончив с бандами козаков, наверняка скоро опять захочет силой подчинить себе соседей.

- Если дело обстоит так, как ты говоришь, - ухмыльнулся Конан, - то в турецких степях скоро можно будет славно поживиться. Честно сказать, я по горло сыт интрижками придворных шаркунов. - Он повернулся к своим воинам: - Кто хочет вернуться в Аншан, пусть уходит. Завтра я выступаю на

север.

- А как же мы? - хором взвыли гирканские гвардейцы в шлемах с перьями. - Иранистанцы нас перережут. Наш город захвачен упырями, семьи растерзаны, начальники убиты. Что будет с нами?

- Кто хочет, пусть идет со мной, - безразличным тоном указал Конан. Прочие могут попросить убежища у Балаша. В его племени сейчас найдется немало женщин, кому потребуются новые мужья... Кром всемогущий!!!

- Что с тобой! - встревожился Тубал.

Глаза Конана жадно шарили по жалкой кучке спасшихся женщин.

Вот он увидел Париситу, но той, что он искал, среди них не было!

- Да что случилось?

- Наложница, Нанайя! Совсем о ней забыл! Она все еще в башне. Проклятье! Как я мог? Ну и скотина!

- Зачем же так? - раздался рядом нежный голосок, и Конан круто обернулся, как ужаленный. Один из уцелевших зуагиров стащил с головы бронзовый шлем, и глазам варвара открылись прекрасные черты Нанайи. Девушка встрихнула головой, и по ее точеным плечам рассыпались черные волосы.

От удивления киммериец разинул было рот, но, скоро очнувшись, оглушительно расхохотался:

- Я вроде приказал тебе оставаться, но... так тоже неплохо!

Варвар бесцеремонно привлек к себе девушку, громко чмокнул ее в щеку... и тут же дал звонкого шлепка по мягкому месту!

- Одно тебе за доблесть и находчивость, - пояснил он, - другое - за непослушание. Как, сама разберешься? Идем!.. Вставайте песни души! Вы что, так и будете сидеть на камнях толстыми задницами, пока не передохнете с голоду?

И, взяв гибкую, смуглую девушку за руку, Конан повел ее туда, где в скале зияла пасть расселины - выход в ущелье Призраков, откуда брала начало дорога на Кушаф.